

Маханакхон

Автор:

Александр В. Великанов

Маханакхон

Александр В. Великанов

Бангкок, столица веселого Королевства Таиланд. Дочь премьер-министра пропала без вести. По слухам, отправилась на тайное свидание с российским олигархом, который тоже исчез. У Андрея Огневского, сыщика-хакера с сомнительной репутацией, есть несколько дней, чтобы найти пропавших и предотвратить международный скандал. Опасное расследование приводит его в офисы и особняки, трущобы и буддийские монастыри. Приходится рисковать жизнью в погонях и перестрелках, ломать голову над тайнами азиатской души. В этой истории переплетены любовь и большие деньги, передовые технологии, религия и политика.

«Маханакхон» – остросюжетный детектив на международной арене. Автор, много лет проживший в Таиланде, рисует яркую картину современного Королевства. Его герои – тайцы и выходцы из бывшего СССР, полицейские, хиппи, монахи и агенты спецслужб. Роман показывает красоту и многообразие «страны улыбок», ее непростой путь развития в современном мире.

Александр В. Великанов

Маханакхон

Крунг Тхеп Маханакхон Амон Раттанакосин Махинтараюттхая Махадиллопхон Ноппарат Ратчатхани Буриром Удомратчанивет Махасатхан Амон Пиман Аватан Сатхит Саккатхаттхийя Витсанукам Прасит.

Престол светлых духов,
великий город бессмертной династии,
неприступная крепость могучего Индры,
благословеньем помазанный,
царский град девяти драгоценностей,
счастливый чертог,
дворец величайшего раджи,
где стоят колесницы бессмертных богов воплощенных,
дар Шакры, рукою великого Вишну украшенный.

Полное название города Бангкок[1 - Перевод и транскрипция автора.]

Пролог. Полет холодильника

Сергей ударил кулаком по стеклу. Гулкий звук прокатился по комнате, руку пронзила боль. Он зарычал от злости и стал колотить еще, руками и ногами, пока не выбился из сил. Охранник, всегда дежуривший за дверью номера, заругался по-тайски, но и только. За пять дней он привык, что беспокойный пленник все время бесится и что-то в своей комнате ломает. Но забота о сохранности интерьера, видимо, в обязанности стражников не входила.

Все было напрасно – на стекле не осталось и следа. За высоким, от пола до потолка, окном тянулось до горизонта море, а где-то внизу, у подножия стены, разбивались о скалу волны. Когда это здание еще было отелем, панорамные окна с шикарным видом, наверно, служили тут главной приманкой для туристов.

Окно было глухое, без возможности открыть.

Стекло как стекло, с виду совсем не толстое, все-таки строили курорт, а не тюрьму. Но увы, жизнь не голливудский фильм, руками и ногами такое не прошибешь.

Сергей схватил стул и с криком ударил им по окну. Но вышло неудачно – что-то сильно кольнуло в плече, свело спину. Он выронил свое орудие, шипя проклятия, сполз на пол.

На стекле осталась неглубокая борозда.

Он опустил голову и зажмурился. Несколько минут просидел на полу, погрузившись в черноту и пустоту, потом снова начал дышать, открыл глаза, стал рассеянно шарить ими по комнате. Все было как раньше – небольшой двухместный номер, довольно симпатичная обстановка: модное нынче в Таиланде псевдоретро, под Америку 70-х годов. Правда, за время заточения Сергей успел прилично тут поломать – что-то в попытках пробить окно, что-то просто от злости. Обломки тумбочки, торшера, стульев и прочего он сгребал в дальний угол, чтобы не мешали.

Сергей поймал себя на том, что неотрывно смотрит на холодильник, возвышавшийся посреди мини-кухни. Большой, с закругленными формами под старину и с виду довольно тяжелый. Что-то в нем было, что притягивало взгляд... Колесики!

Железная махина покоилась на четырех колесах, таких небольших, что сверху, когда стоишь, а не сидишь на полу, их и не разглядеть.

Сердце ускорилоь. Сейчас главное – не торопиться, не наделать глупостей.

Прежде всего он обулся, потом подошел к кровати. Плечо все еще ныло, но уже терпимо. Медленно и аккуратно, лишь бы не скрипело, стал двигать кровать к выходу, чтобы загородить дверь. Потом свалил на нее все обломки разгромленной мебели, водрузил туда же вторую, целую тумбочку. Получилась неплохая баррикада – дверь, слава богу, открывается вовнутрь, и на какое-то время эта конструкция задержит охрану.

Ну, сейчас вам будет «Полет над гнездом кукушки»...

Он подошел к холодильнику, подвигал туда-сюда, колеса работали хорошо. Откатил его в дальний угол, постоял минуту, глубоко дыша, и со всех сил покотил в сторону окна.

Раздался оглушительный звук удара и самое сладкое для слуха – треск стекла. Окно выдержало атаку, но в месте, где в него врезался холодильник, разошлась широкая клякса из белых трещин.

Охранник за дверь принялся что-то кричать, Сергей послал его матом по-русски и стал откатывать холодильник обратно в дальний угол.

Разгон, снова грохот – со второго удара трещины рассекли уже всю поверхность стекла, а главное – внизу пошел кривой слом, отделяя окно от рамы.

Пиликнул электронный замок. Охранник хотел попасть в комнату, но баррикада оказалась для него неожиданностью. Зашипела рация – зовут подмогу.

Бах! Третий удар наполовину выломал окно, но протиснуться наружу еще было нельзя, по крайней мере, не порезавшись до смерти.

Совсем рядом слышались топот и крики, охранники били дверь о кровать, с руганью ломались через баррикаду.

Сергей снова откатил свой снаряд для разгона – тот на удивление даже особо не поцарапался. Жаль, нет времени посмотреть, чье производство, умеют делать...

Охранники вломились в комнату в тот момент, когда холодильник прошиб окно насквозь. Сверкая на солнце, он вылетел наружу в облаке блестящих осколков.

Сзади что-то отчаянно кричали, но Сергей не стал оборачиваться. Он высунулся в пробоину, подавил ужас, подступивший при взгляде вниз, на далекую пенную воду. Там поднимался над волнами огромный фонтан брызг – это приводился холодильник.

Сергей перекрестился, закрыл глаза и со всех сил оттолкнулся ногами.

«Лишь бы в холодильник не врезаться...» – думал он, летя вниз.

Часть 1. Прячься от солнца

Глаза варана

Когда долго живешь в тропиках, начинаешь прятаться от солнца. Это становится привычкой – идти по темной стороне улицы, забежать в торговый центр, чтобы охладиться под кондиционерами, стараться не выходить из дома до шести вечера, пока безжалостное светило не скроется наконец за крышами.

Эта игра в прятки с небесным огнем казалась Андрею забавной метафорой его жизни. Все время приходится прятаться. То от чужих, то от своих, то еще от каких-то... Впрочем, в этом есть и определенный кураж. Когда тебя уже много лет ловят и не могут поймать, это серьезное достижение.

Андрей давно понял, что можно оставаться довольным в любых, самых опасных и странных обстоятельствах. Главное – отказаться от проклятой мечты о «нормальной», то есть спокойной и счастливой жизни. Это опаснейшая привычка, способная отравить существование, – когда все, что с тобой происходит, сравниваешь с неким выдуманым шаблоном.

Этой «нормальной» жизни Андрей Андреевич Огневский за тридцать один год жизни не видал, кажется, ни одного дня. И давно строго изгнал из головы любые мечты о ней.

Может быть, поэтому сейчас на душе муторно – предстоит встретиться с той, что олицетворяла давние, отчаянные попытки жить «нормально», целую главу жизни, канувшую в никуда.

Андрей угрюмо щурился на голубое небо, поскорее перебегая из палящей жары в тень высотного здания. Было 15 мая 2014-го, день стоял ясный, солнечный, над

Бангкоком ни облачка. С веток, качавшихся над улицей вместе с черными проводами, падали бело-золотые цветы.

У тайцев не принято говорить «какая хорошая погода» – она хорошая почти всегда. Даже в сезон дождей часто бывает солнечно, а льет обычно только после обеда и недолго. Скорее тут принято удивляться, если небо слишком долго закрыто тучами.

Огневский вышел на шумную улицу Силом, ловко увернулся от нескольких мопедов, летевших прямо по тротуару. Привычное дело в Азии. Только вот интересно – даже ему, прошедшему годы тренировок на силу и ловкость, пару раз едва удалось выскочить из-под колес. Как тут выживают обычные люди, без боевой подготовки? Одна из загадок Востока...

Он толкнул стеклянную дверь и вошел в Le Bangkokue, нырнув из уличной жары в холодный кондиционированный воздух. В кафе, старательно изображавшем парижское, почти не было посетителей. Только стройная девушка с густыми пшеничными волосами сидела за дальним столиком.

– Ну бонжур, – угрюмо сказал Огневский, садясь напротив нее.

– Привет, Андрюш, я скучала. – Девушка подалась вперед.

Андрей не ответил.

С полсекунды он смотрел на нее. С досадой понял, что помнит это лицо в мельчайших деталях, – темно-карие глаза, мягкий, почти нежный профиль. Даже цвет кожи остался тот же – светлый, кремовый, ни следа загара. Наверное, недавно прилетела. Ее лицо почти не изменилось, разве что едва заметная морщинка легла между бровей.

– Хороший кофе, – сказала собеседница, ничуть не смутившись его грубости. – Вообще, отличное заведение. Будто мы не в Азии совсем, а во Франции. Неужто и француз настоящий? – Она кивнула на курчавого юношу за стойкой.

– Обычное дело. – Огневский пожал плечами. – У нас тут мировой город. Французов так вообще пруд пруди, не нравится им там у себя, похоже. Да что

там, вон через квартал эфиопский ресторан, с настоящими эфиопами. Ладно, – он тяжело вздохнул, – выкладывай скорее, в чем дело?

Ее карие глаза всегда казались очень спокойными. Но Андрей знал, что они умеют неожиданно вспыхивать хитрыми огоньками. Он пообещал себе, что больше никогда не поддастся их обманчивому свету.

– Говорю же, я соскучилась, – сказала девушка. Те самые огоньки были уже тут как тут.

– Нет, это невероятно! – возмутился Андрей.

Курчавый бариста обернулся на повышенный голос.

– Они специально прислали именно тебя? Потрясающий цинизм!

– Я сама вызвалась, – ответила девушка.

– Ну, это еще больший цинизм. – Огневский взял себя в руки и говорил спокойнее, с горькой иронией. – Выкладывай, Маша, что вам от меня нужно?

Девушка отпила кофе:

– Скажи, разве ты не устал от такой жизни? Я слежу за твоими делами, и мне уже за тебя страшно.

– Работа такая, – отмахнулся Огневский.

– Ну какая работа? Проворачивать незаконные операции в сети, наступая на ноги всем, кому не следует? А потом менять адреса и страны, чтобы не выследили.

– Врагу не сдается наш гордый Даркнет, – ответил Андрей, скорчив серьезную мину. – Но вам-то что? Я против РФ никогда не действую.

– Да, ты большой патриот, – усмехнулась она. – Наверно, поэтому ты недавно сильно насолил англичанам. Уж что там за данные ты у них увел, я и знать не хочу. Но по нашим сведениям, они собираются взять тебя в разработку. Это очень серьезно, ты ведь понимаешь.

– Ну, если наши доблестные спецслужбы в твоём лице до сих пор меня не «разработали», то куда уж этим натовским болванам...

– А ты все бравируешь, – грустно сказала Маша. – Но это, к сожалению, не все. По твоему следу идет еще кто-то. Серьезные люди. Настолько серьезные, что мы даже не знаем пока, кто они. А ведь мы ценим таких, как ты, и хотим тебе помочь. Тебе угрожает опасность, причем сразу с нескольких сторон. Одному тебе тут не справиться.

Андрей только скривился.

– Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел. И даже от лисы... – Он кивнул на нее без улыбки. – И от этих, кто б они не были, тоже как-нибудь отделаюсь.

– Андрей, послушай меня. Мы можем предложить тебе защиту. Ты один из самых выдающихся людей в своем поколении. И речь не только о твоих навыках, которые ты, к сожалению, направляешь совсем не в то русло...

– Покороче, пожалуйста, – перебил Огневский, – мне еще на массаж сегодня, шея болит...

– Мы предлагаем тебе помощь и сотрудничество, – спокойно продолжала девушка. – Прежде всего, защиту от любых преследований. И отличную площадку для развития твоих способностей. Пора же, наконец, налаживать отношения с Родиной.

– У меня с Родиной прекрасные отношения, – пожал Андрей плечами. – Это у нее со мной вечно какие-то непонятки.

– Хватит ерничать, это очень серьезно. Ты не устал нарушать законы, бегать и прятаться? Просто выслушай меня, такого предложения тебе еще не делали.

– Зато я тебе однажды сделал предложение, – без улыбки сказал Андрей. – Ответила ты известно как. Я тебе отвечаю тем же. Не хочу я с вами сотрудничать. Что касается России – по-моему, она хорошо себя чувствует без участия моей персоны. Пускай так и останется. Слава Богу, послужил уже, комиссовался. Если это всё, я пойду, шея замучила.

Андрей поднялся. Маша смотрела так, будто хотела сказать еще что-то. Огневский почувствовал, что совсем близко за спиной кто-то стоит, и, еще не успев подумать, выбросил вверх согнутую в локте руку, блокируя рубящий удар по шее.

Кто-то из Машиных сотрудников? Вот тебе и «скучала»...

– Мать вашу! – прорычал он, разворачиваясь и метя локтем в ухо нападавшему. – Маша, это чересчур!

Нападавший ушел от удара и меткой подсечкой сбил Огневского с ног. Андрей упал на бок, захлебнувшись проклятиями, когда удар об пол вышиб из легких воздух. Снизу он увидел, как Маша вскакивает на ноги, наводя на незнакомца пистолет с глушителем.

– Hands up! [Руки вверх! – англ.] – закричала она. – Identify yourself! [Кто вы такой? – англ.]

«Все-таки жуткий у нее славянский акцент, – невпопад подумал Андрей, – так и не смогла избавиться...»

Как всегда в начале силовой ситуации, в голову почему-то лезли абсурдные, совсем неуместные мысли.

Нападавший – белый иностранец подтянутого вида, в добротной городской одежде, – рук не поднял. Он молниеносно бросился на Машу. Но она (недаром училась) ушла от его захвата, отскочив в сторону, и – только чмокнул глушитель – всадила ему пулю в плечо.

Боевик не угомонился даже на этом. Хрипя, он склонился над столом, но за рану хвататься не стал, вместо этого здоровой рукой рванул из-под льняного пиджака

собственный пистолет.

Подскочивший с пола Огневский рубанул его в шею, тем самым отключающим ударом, от которого недавно едва ушел. Боевик пошатнулся и повалился набок.

- Нападение, - сжав зубы, проговорила Маша в какое-то маленькое устройство, зажатое в ладони. - Один, подготовленный, возможно, еще на подходе. Нужна помощь.

Устройство молчало несколько секунд. Глаза девушки расширились.

- Уходим! - бросила она Андрею, беря его за плечо и ведя к двери. - В разные стороны, прямо сейчас!

- Эй, спокойно, - остановил он ее. - Надо разобраться, что это за бык и чего он бросился на меня, в моем городе. Возьмем и допросим.

- Он не один, - прошипела Маша и снова стала толкать Огневского к выходу.

Как она была хороша в этот момент: стройное, сильное тело напряжено, карие глаза прищурены, ни одного лишнего слова или взгляда, вся в моменте. Огневский разозлился на себя - проклятые старые чувства, уже стоившие ему так много...

- У меня было прикрытие, - продолжила Маша, - два хороших спеца. В двадцати метрах по радиусу. Они не отвечают, хотя канал работает... Ты понял почему?

Андрей понял.

- Ладно, - проговорил он, - тогда давай за мной. У меня есть тихое место на такой случай.

- А у меня на такой случай есть строгая инструкция. - Маша в третий раз стала толкать его к выходу. - Поэтому мы уходим в отрыв по одному. Мой стаж в этих делах гораздо больше твоего, пошел! - Она рванула его за руку. - Я направо, ты налево, мы с тобой свяжемся.

Когда она, наконец, дотолкала Огневского до выхода, тот успел обернуться с еще одной абсурдной мыслью – надо ведь заплатить за Машин кофе? Но увидев курчавого француза, который забился в угол и закрыл лицо руками, Андрей прогнал из головы глупости и громко сказал по-английски:

– Немедленно уходите отсюда, бегите в ближайший полицейский участок, адрес: Силом-сой 7.

Француз не шевельнулся.

Выругавшись, Андрей подбежал за стойку, поднял беднягу на ноги и быстро вывел на улицу.

– Go! – прокричал он таким страшным голосом, что бариста повиновался и уковылял.

– А теперь ты “go”! – рявкнула на Огневского Маша.

Он кивнул, и они быстро зашагали в разные стороны.

Вокруг кипел и гудел центр огромного города. Яркие вывески блестели на темных бетонных стенах, покрытых вездесущей в тропиках плесенью, солнце сверкало на зеркальных гранях небоскребов и отражалось в ярко начищенных сковородках уличных едален.

Время было послеобеденное, ленивое, по тротуарам Силома неспешно шагали редкие пешеходы – не то что человеческий поток, шумящий тут в часы пик. Смешаться с толпой, увы, не получится.

Так что Андрей поступил просто – зашагал, все больше набирая скорость, в ближайший переулок. Оттуда, ломано меняя маршрут, стал двигаться в сторону бедных кварталов, лабиринтами оплетавших ближайший сточный канал. Шокирующие контрасты Азии – только что был чистый район, с приличными заведениями на иностранный манер, а через два поворота уже целые кварталы нищих лачуг.

Двухэтажные уродливые домики из бетона, хижины из чего попало, узкие кривые проходы, через которые носятся местные лихачи на мопедах. Кошки, куры, крысы, ящерицы, полуголые дети, тележки с лапшой и кучи какого-тохлама...

В отличие от трущоб в Южной или Северной Америке, здесь не торгуют наркотиками и не убивают. Тут живут в тесноте да в не особой обиде добрые, улыбчивые люди. В Королевстве Таиланд много бедных, но мало нищих, риса и овощей обычно хватает на всех.

За годы жизни в Бангкоке Огневский успел полюбить этот по-своему красивый хаос. Он умело пробирался через него, хотя пришлось сбавить скорость. Потом жилая часть трущоб сменилась складской, и тут уж он прибавил ходу.

Бегать Андрей умел быстро и долго, научился еще в юности. Сначала под руководством суровых тренеров в училище, а потом по сырым, заваленным камнями горам. Пробегать тогда приходилось помногу, да и не налегке, как сейчас. С оружием на шее, в полной выкладке, а иногда и при спецоборудовании. За промедление можно было заплатить жизнью.

Так что сейчас бежал он с хорошей скоростью и не уставал. Только вот противник тоже оказался ученым: позади Андрея, в дальнем конце улицы, двигалась человеческая фигура. Незнакомец бежал за ним следом, и скорость у него была почти фантастическая.

Техника бега была странной – преследователь согнулся, наклонился вперед, а руки откинул назад, словно крылья. Э, да это похоже на хаягакэ... Японцы, что ли? Но с ними Огневский вроде не ссорился.

Древнее искусство боевого бега сохранилось в нескольких единоборствах Японии, даже во всем известном карате. Андрей и сам когда-то пробовал изучать его, но бросил – особых преимуществ перед обычной западной техникой бега он не заметил. Как многое в японских боевых искусствах, оно показалось ему пережитком прошлого. Наверно, так удобно бежать, когда у тебя в руках щит да меч, – они ложатся вдоль тела и не мешают двигаться. Но в современном мире – бесполезная экзотика.

Преследователь, однако, на глазах доказывал обратное. Он уверенно сокращал дистанцию, еще полминуты – и догонит.

Андрей постарался ускориться, насколько было сил, но за очередным поворотом налетел грудью на перила, за которыми мутно плескался кхлонг – один из бесчисленных каналов, давших тайской столице титул «Венеция Востока». Справа тянулась грязноватая длинная набережная, по которой, как назло, неслась к нему еще одна согнутая фигура.

Что теперь делать? Вступать в бой с двумя такими спецами – себе дороже. Тем более что они, скорее всего, вооружены, а у самого руки пустые – легально носить оружие в Таиланде ни один иностранец не мог, а серьезных причин нарушать до сего дня не было.

Как всегда в непонятных ситуациях, Андрей дал себе одно мгновение, закрыл глаза и сделал глубокий вдох. И тут же открыл их, прислушиваясь к механическому реву со стороны канала.

По зеленой воде шла, поднимая волны, пассажирская лодка – обычный тут вид общественного транспорта.

Андрей сделал три шага назад, уже слыша за спиной топот одного из бегущих, и рванулся вперед, в прыжке оттолкнулся ногой от перил.

Внизу промелькнули мутные волны, а потом ступни ударились о белую полотняную крышу лодки, защищавшую пассажиров от жаркого солнца. Лодка была небольшая, метра четыре в длину, от удара она закачалась, внизу кто-то вскрикнул.

– Ко тхо-о-од кхап! – громко извинился Огневский и с коротким выдохом прыгнул снова.

Поджал ноги, чтобы не удариться об перила на той стороне, приземлился в кувырок, вскочил и показал преследователям средний палец. Лодка ушла, и, кроме как вплавь, ну или бегом до ближайшего моста, его теперь было не достать.

Один из преследователей тоже вытянул руку, но было ясно, что Андрея ждет не просто неприличный жест. Огневский развернулся и побежал зигзагами, из стен и перил вокруг него полетела пыль с искрами – ложились пули.

Метнулся в узкий проход, еще в один – места пошли совсем глухие, не встретилось ни души. За третьим поворотом оказался тупик, грязная стена серого бетона, покрытая черно-зеленой плесенью и оплетенная старыми трубами.

Что делать? Наверх по трубам? Но с виду они были совсем хлипкие. А что это в углу? Жерло большой трубы... Он подбежал, заглянул внутрь – далеко, шагов через пятьдесят, с другого конца белел свет.

Огневский полез внутрь, труба была довольно широкая, можно было бежать согнувшись. «Что за день такой, – думал он, плюхая по мутной, вонючей жиже на дне желоба, – люди бегают друг за другом, согнувшись в три погибели...»

Справа и слева открывались темные проходы неизвестно куда, но он строго держал курс на свет. И чуть не свалился, когда справа выплыла низкая тень. Глаза у Огневского тренированные, быстро привыкают к полумраку, и он разглядел крупного варана. Ящерица, размером не уступавшая крокодилу, уставилась на него, Андрей будто почувствовал на себе холодный, недобрый взгляд.

За годы путешествий по Азии он не раз сталкивался с варанами, и в городских парках, и в джунглях, но еще ни разу – в канализации. Впрочем, он знал, что, несмотря на свой жуткий вид, твари они мирные и трусливые.

– Пошел с дороги! – заорал Огневский.

Перепуганная зверюга быстро развернулась, едва не задела длинным хвостом и стала удирать в темноту, смешно семеня короткими лапами.

Андрей двинулся дальше, из-под ног разбегались крысы, но на них он внимания не обращал. Белеющий выход был уже совсем рядом. Вот он, пресловутый свет в конце туннеля. Только туннель что-то уж больно вонючий... Он миновал несколько боковых ответвлений, черных, зловонных. Что там дальше, в этом гадком лабиринте, сколько километров варанье-крысиного царства? Говорят,

там еще и тараканы полуметровые водятся.

На него выскочила еще одна приземистая тень. Этот варан крупнее раза в два, старый, матерый, покрытый толстой бугристой кожей.

– Уйди, козел! – биологически некорректно закричал на него Андрей.

Но варан убежать не стал. То ли был уверен в себе, то ли на козла обиделся, но приподнялся, выгнул шею и низко противно зашипел.

Андрей был не в том состоянии, чтобы церемониться с помойной фауной. Он подался вперед, кулаком прижал широкую башку ко дну трубы, кожа варана была сухая и шелушилась.

Огневский на четвереньках перелез через извивающееся мускулистое тело, получил когтями задней вараньей ноги по лодыжке, выругался и не оглядываясь побежал к выходу.

Он выскочил из зловонного жерла на относительно свежий воздух и увидел, как позади, в темноте у самого выхода, извивается разъяренная тварь, но выбраться на свет не осмеливается.

Андрей оказался во дворе какой-то мастерской, заваленной автомобильными деталями и листами железа. Рабочих видно не было, только тощий дед в майке, закатанной до груди, сидел на табурете и смотрел старый телевизор. На вылезшего из сточной трубы иностранца он внимания не обратил.

Андрей не стал выходить прямо, через подворотню, а протиснулся в узкую щель между двумя зданиями и оказался – о чудо – на оживленной, забитой людьми улице Сатхорн. Протолкнулся через толпу к краю тротуара (народ шарахался от запаха сточной канавы) и запрыгнул в припаркованное такси.

Водитель стал морщиться на мокрого, ободранного и вонючего иностранца, но Андрей протянул ему тысячу тайских бат, в пять раз больше обычной цены, и назвал адрес. После чего улегся на заднем сидении, подложив руки под голову.

– Ну-у-у-ай [устал. – тайск.], – объяснил он таксисту сонным голосом.

Это была чистая правда.

Личное дело

Пиликнул электронный замок на двери, и Мэу вошла в свой новый кабинет. Внутри еще слегка пахло свежим пластиком и было холодно – кондиционер не выключали с вечера.

Первое, чему ей пришлось научиться, поднимаясь в иерархии тайского государства, – это не мерзнуть. Прохлада в тропиках – роскошь, знак престижа, и любое уважающее себя учреждение яростно кондиционируется – чем сильнее, тем солиднее. А уж куда солиднее, чем особой отдел полиции. Так что терпи, девочка. Как в твоей родной провинции, в горах на севере страны, – чем выше, тем холоднее.

Она уселась в свое старое, удобное рабочее кресло. Только это кресло, да еще большой портрет Его Величества Рамы IX она перевезла сюда из прежнего кабинета, в тесном и кишасщем насекомыми здании в центре Бангкока. Какое это было событие, когда всех чиновников перевели из ветшающих бетонных коробок, разбросанных по столице, сюда, в новый правительственный квартал, только что выстроенный в пригороде.

Тут совсем другое дело – фонтаны, статуи, футуристические здания с застекленными внутренними дворами, по одному на каждое ведомство. Правда, добираться сюда по чудовищным столичным пробкам очень тяжело, но это больше сказалось на сотрудниках низкого ранга. Беднягам приходилось теперь вставать на час-полтора раньше. А кто повыше, просто переселились в пригород, оно и приятнее. Ну а подчиненным – лишний стимул расти.

Зазвонил телефон.

– Кхун Мэу на кха, – обратилась секретарша в уважительной форме, со всеми вежливыми частицами в конце фразы, – к вам человек, тот самый, из русского посольства.

– Пусть поднимется.

– Может быть, проводить его?

– Не нужно, – ответила Мэу.

Пускай побродит по длинным коридорам, подивится на размах, пару раз потеряется. Чем больше осведомитель сбит с толку, тем проще с ним будет работать.

Ох уж эти фаранги, белые иностранцы. Все лмятся приехать в Таиланд, для них это страна отдыха и дешевых удовольствий, развязности, беззаботности. У них принято посмеиваться над «азиатским разгильдяйством» и «тайской нерасторопностью». Но мало кто понимает, с чем в действительности имеет дело.

За яркой оберткой, за видимой легкостью жизни, стоит тайское государство. Суровое и крепкое, держащееся на таких, как Мэу. За подделку любого документа с государственной печатью, птицеруким Гарудой, тут смертный приговор. За продажу наркотиков – смертная казнь. За хулу на Будду и пропаганду атеизма – тюремный срок. То же самое за оскорбление монархии и Его Величества.

По представлениям фарангов, это средневековая дикость. Но за счет чего еще сохраняется та атмосфера праздника, ради которой они все мечтают сюда приехать?

Король, Будда, государство – и никаких компромиссов с теми, кто против них. Не потому ли двести лет назад, когда западные державы покорили всю Азию, когда даже великий Китай сдался белым, а Индия, колыбель культуры, была на коленях перед англичанами, – только Сиам оставался свободен от власти захватчиков.

В двадцатом веке прочие страны Индокитая впали в коммунистическое безумие, приведшее к тысячам жертв, к яме, из которой Лаос и Камбоджа только-только начинают выбираться, а Вьетнам, похоже, не выберется никогда. Все это время Таиланд оставался единым и свободным, под властью всеми любимой монархии.

Видимая легкость и беззаботность, а под ними – сталь. Как священная татуировка Сак Янт, оберегающая от пуль и ножей, скрытая под легкомысленным летним костюмом.

В дверь постучали.

Он вошел – плотный, слегка вспотевший, лысоватый. Работник российского посольства, не из мелких, но и не из самой верхушки. Однако с поразительными связями и способностью добывать сведения.

– Доброе утро, – сказала она по-русски. После шести лет в РУДНе говорила она свободно, только иногда запинаясь этих ужасных «всп» и «нск».

– Здравствуйте, госпожа Мэу, – ответил пришедший, невольно слегка улыбнулся и тут же покраснел.

Хозяйка к этому привыкла, ее неформальное имя многим казалось забавным. По-тайски это милое звукоподражательное слово означало «кошка». Еще одна вещь, к которой фарангам сложно привыкнуть, – «чу-лен», неформальные имена, прозвища. По паспорту Мэу звали Дхаттия Чарёнсукди, хорошие имя и фамилия, старинные, на пали, священном языке буддизма. Но в обиходе все тайцы имели прозвища – часто забавные и легкомысленные. Ладно еще «кошка». В школе среди одноклассников были у нее и Му – «свинья», Тэнг-ва – «огурец», Лан – «лысый» и тому подобное. Есть даже шокирующее нетайцев имя Фак, хотя переводится оно вполне пристойно – «тыква». Иностранцам некоторые из чу-ленов кажутся обидными или неуместными, а для тайцев в них нет ничего плохого, это общепринятый способ обращаться друг к другу.

С пришедшим Мэу была мила. Усадила, сама включила кофемашину, добавила в эспрессо сливки и сахар. Уже четыре года как она, кроме прочего, руководила российским направлением в работе с иностранцами. И потому знала: к русским, тем из них, кто послабее характером, ключик подобрать легко – просто будь с ними поласковее. В этой суровой стране люди изголодались по обычной приветливости и с непривычки просто таят, когда ты с ними обходителен. Это она уяснила, еще когда училась в московской Лумумбе.

Сей экземпляр, впрочем, был особенным. Не просто жадным до денег и хорошего обращения. Он был идейным информантом, тайно презиравшим свою

страну и, кажется, искренне верившим в Таиланд, в «тайский путь», как он это называл. И хотя путь этот он представлял себе довольно туманно – «как было бы у нас в России, если б не проклятая революция», – но был по-настоящему ему предан. Деньги, впрочем, тоже брал.

И в этот раз ломаться он не стал, сразу передал папку, взял плату, поговорил о пустяках и собрался идти. Интересно, что будет с этим странным человеком, если его раскроют (а русские всегда рано или поздно раскрывают)? Сошлют, наверно, куда-нибудь на север.

Когда лысый толстяк ушел (конечно же вежливо проводила, сделала вай – поклон с молитвенно сложенными руками, – хотя для иностранцев его делать и не обязательно), Мэу села обратно в кресло и стала читать текст из папки.

Досье. Очередной очень интересный и важный сейчас русский. Еще какой интересный...

Андрей Андреевич Огневский. Возраст: 31 год.

Родился в городе с непроизносимым названием Yuzhno-Sakhalinsk. Посмотрела по гугл-карте – да это совсем рядом с Японией! Мэу как-то и не думала, что Россия тянется так далеко на восток... Получается, тоже свой, азиат, хоть и северный.

Из потомственной военной семьи, отец командовал ракетной частью, дядя – высокий чин в Москве, в военных дипломатах, проще говоря, в разведке.

Мать, учитель литературы, умерла, когда был подростком. От отца с мачехой отстранился, связей не поддерживает.

С 16 лет работал в геологических экспедициях на Дальнем Востоке и Севере. Там происходит какая-то темная история, чуть ли не с убийством, после чего Огневский уезжает в Москву. В 18 лет идет служить в армию, причем в разведывательные войска (возможно, по протекции дяди). После службы попадает в некое закрытое училище (названия в досье не было).

В королевской военной академии Мэу рассказывали про знаменитых бойцов под названием spetsnaz. Похоже, что училище готовило именно их, причем упор был на использование электронных устройств, что в те времена было довольно большой редкостью. Говорилось что-то о беспилотниках, «умных» предметах экипировки, взломе компьютерных сетей... Мэу, начинавшая в уличной уголовной полиции, была от всего этого далека, но главное уяснила: объект умеет не только бегать и стрелять.

Больше того, в училище Огневский успел прославиться способностями – и физическими, и умственными, считался чуть ли не гением по электронике.

По окончании был отправлен в некий отряд, одну из первых попыток создания в российской армии хай-тек-войск. Огневский быстро стал командиром отделения и вообще всячески выделялся, якобы сам разрабатывал многое из оборудования. Продвижению в офицеры мешало лишь отсутствие высшего образования и, возможно, темное прошлое.

Участвовал в операциях по борьбе с террористическим подпольем, уцелевшим после завершения Второй Чеченской кампании.

Про чеченскую войну Мэу знала, это вроде конфликта с мусульманскими сепаратистами в трех южных тайских провинциях, на границе с Малайзией. Только русским удалось конфликт закончить, а в Таиланде, прости Будда, все тянется и тянется...

Во время операции по захвату полевого командира, одновременное являвшейся боевым испытанием некоего нового устройства, почти все отделение погибло (по некоторым данным – из-за ошибки командования).

Огневский получил касательное ранение в голову, проходил долгое лечение. Отсюда особая примета – глубокий и длинный шрам на левой стороне головы, по большей части скрытый волосами.

Мэу внимательно рассмотрела фотографию, приложенную к папке. Острый край шрама действительно выглядывал из-под светлых кудрявых волос. Но не сказать чтобы это сильно портило лицо – вполне приятное, совсем еще молодое. Если что обращало на себя внимание, так это линии рта и бровей, резкие, суровые, плохо сочетавшиеся с большими серыми глазами. Фото, похоже, было недавнее –

лицо покрывал густой загар, сразу видно, что не первый год у экватора.

После выздоровления Огневский подал в отставку, в чем было отказано. Но в итоге добился (возможно, не совсем легальным путем) признания негодным по ранению.

Покинул Россию, много путешествовал по Азии. Наконец осел в Китае, где через какое-то время стал – ого! – заместителем начальника службы безопасности корпорации «Хунлун». По слухам, в то же время плотно занимался в нескольких школах боевых искусств, в том числе у выдающихся мастеров.

О деталях работы в «Хунлуна» узнать удалось крайне мало – китайский технологический гигант оберегает свои секреты получше многих государств. Однако по косвенным данным, Огневский участвовал и, возможно, руководил расследованием серии саботажей на фабриках корпорации в Гуанчжоу.

У руководства «Хунлуна» состоял на хорошем счету, славился аналитическими талантами и острым умом.

Побывал в США во время какого-то быстро замятого кризиса в тамошнем отделении «Хунлуна» и опять же что-то там расследовал.

В 2007-м уволился и покинул Китай. С тех пор живет в основном в Таиланде, формально владеет в Бангкоке собственной компанией по разработке программного обеспечения, но фирма работает с минимальным оборотом, а сам он ею почти не занимается.

Что интересно, вскоре после отъезда Огневского из России военная прокуратура завела на него дело. Обвинялся в похищении неких высокоценных разработок и данных, относившихся к проекту хай-тек-отряда. В настоящее время, однако, расследование приостановлено по неясным причинам (хм, кажется, понятно: такое бывает, если кто-то сверху велел притормозить и хода делу не давать). В 2012-м без сложностей получил новый российский паспорт в Бангкокском консульстве. Сумел, похоже, договориться со своими...

Предположительно, в последние годы участвовал в нескольких крупных теневых операциях в интернете, связанных с утечками данных из правительственных и корпоративных источников нескольких стран, однако ни разу не был уличен с

достаточными доказательствами. Располагает денежными средствами неясного происхождения.

Что ж, еще один из деятелей Даркнета, «темной сети»... Немало из них в последние годы перебралось в Королевство – и на то, увы, есть причина. В большинстве развитых стран полиция в ходе расследования может получать доступ к закрытым данным пользователей – от списка покупок в интернет-магазинах до переписки. Но не в Таиланде, здесь никто ничего раскрывать не обязан, а потому для темных цифровых личностей просто раздолье. Мэу была яркой сторонницей создания нового закона о кибербезопасности. Нужно дать полиции необходимые права в интернете, но это когда еще будет... Законы в тайском государстве принимаются не быстро, да и сопротивление от либералов уже сейчас нешуточное: пугают «цифровой тиранией» и тому подобное.

Огневский, согласно досье, аполитичен, иногда называет себя анархистом. О нынешнем режиме в России отзывается неоднозначно, впрочем, никогда не был замечен в действиях против интересов РФ. Критически относится к любым государствам и с явной нелюбовью – к армии любого рода. Однако часто тепло отзывается об Индонезии и Таиланде.

Исповедует русскую православную религию, но практикует крайне нерегулярно.

Сохранил продвинутые навыки бойца black ops. Мастер спорта по стрельбе. Владеет разными техниками рукопашного боя и холодного оружия на высоком уровне. Способен молниеносно и скрытно передвигаться в городской и природной среде. Следует собственной системе каждодневных тренировок, состоит в контакте с лучшими тренерами мира и ветеранами спецподразделений.

Кроме русского и английского, владеет китайским, индонезийским и тайским языками.

Является экспертом в области кибербезопасности, видимо, обладает выдающимися навыками взлома компьютерных систем. (Да уж, само это «видимо» должно показывать его уровень – ни разу по-настоящему не попался.)

Ведет довольно уединенный образ жизни. Состоял в связях с несколькими гражданками Таиланда и иностранных государств, однако в долговременные

отношения ни с кем не вступал.

Мэу отложила папку.

Да уж, интересный персонаж. Совсем не то что скучные осведомители, обиженные на Родину.

Только зачем самому мог понадобиться этот иностранный авантюрист?..

С полчасика Мэу думала, нервно ерзая в кресле. Хорошо бы начать курить, как принято у женщин на Западе, говорят, здорово успокаивает. Только для тайки, особенно из приличного общества, это недопустимо, курят лишь «рабочие девушки» с Пхатпхонга.

Наконец зазвонил телефон. Вызывал сам. Говорил быстро, Мэу не перебивала. Положил трубку.

Да... Ситуация оказалась такая, что курением, пожалуй, не поможешь. Мэу достала из шкафчика Jack Daniels, налила полстакана и выпила в три глотка.

Глаза буйвола

Только закрыв дверь на все замки, Огневский позволил себе сделать глубокий выдох, расслабиться и почувствовать, как болит оцарапанная вараными когтями нога.

Эту квартирку он завел как раз на такой случай – если надо будет на время спрятаться, прийти в себя, зализать раны, оставленные когтистой реальностью. Домой, в таунхаус в центре города, возвращаться нельзя. Он был снят на собственное имя, вскоре после приезда из Китая, когда Андрей в очередной раз пытался жить «нормальной» жизнью. Ха-ха.

А об этой студии вдали от центра не знал никто, кроме подставного владельца, веселого деда из глухой деревни в провинции Исан, с которым Андрей познакомился когда-то, путешествуя по стране. Однажды, рано или поздно,

придет время навсегда покинуть Таиланд, и тогда старому Сомчаю, ютящемуся со своей бабкой в халупе из бамбуковой плетенки, достанется неплохая жилплощадь в столице. Ну или наследникам Сомчая.

Район, конечно, не самый престижный и довольно отдаленный. Добираться сюда из центра приходится часа полтора – транспортная система в тайской столице устроена странно. Лишь небольшой центральный район покрывается современным транспортом: подземным метро и «Скайтрейном» – «небесным поездом», скользящим над улицами по эстакаде. В остальной части города его бесчисленные жители передвигаются по старинке, на дребезжащих автобусах с деревянными полами, на лодках по вонючим каналам-кхлонгам. И на бесчисленных ревущих мопедах, предварительно прочитав молитву, да уберегут духи в сумасшедшем дорожном потоке.

Андрея эта труднодоступность логова не смущала, даже наоборот.

Он сорвал с себя вонючую одежду, достал из шкафчика специально подготовленную аптечку. Из другого вынул бутылку черного рома, отвинтил пробку и отпил из горла. С бутылкой в одной руке и аптечкой в другой пошел в ванную.

Долго мылся, стараясь, чтобы не попадало на больное место, потом тщательно обработал и перевязал рану, бутылку между делом опустошил на треть.

Вышел из горячего пара в прохладную, кондиционированную комнату, накинул шелковый халат, привезенный еще из Китая, и сел в кресло у панорамного окна. Раздумывать нечего – план на случай подобных событий был давно разработан. Оставалось только успокоиться, прийти в себя и постараться отдохнуть.

Из окна, с 29-го этажа, открывался вид на бетонное море. До самого горизонта во всех направлениях тянулся только город, рассеченный жилами дорог да редкими пятнами зелени. Солнце садилось, но заката было не видно – окно восточное. Зато сотни тысяч домов медленно заливались косым светом: оранжевым, потом красным, потом розовым.

Андрей мог смотреть на город часами. Чем любитесь большинство людей? Морем там или лесом. Многие мечтают перебраться в тропики, чтобы жить на острове с белым песком у голубого океана. А Огневскому почему-то больше всего нравился

вид бескрайнего человеческого обиталища.

«Это потому что ты всю жизнь бежишь, – усмехнулся над собой Андрей. – В миллионной толпе проще затеряться. Хотя... А вдруг это просто мой, слегка извращенный, способ любить людей? Поодиночке они обычно злят и раздражают. Частенько еще пытаются угробить. А в очень больших количествах – ничего, есть в них даже что-то милое».

Внизу, в рукотворном океане, стали зажигаться огни. Дух захватывало при мысли о том, какое бесчестное множество жизней теплится в этом людском муравейнике. Кто сказал, что мегаполисы бездушны? Наоборот, плотность души тут зашкаливает. Когда Андрей приехал с пустынного севера, после тяжелого ранения и краха всего, во что верил, гудящие азиатские сверхгорода приняли его неожиданным теплом и весельем. Он останется им благодарен до конца жизни.

Рассвет следующего дня застал Огневского уже на трассе. Если на тебя открыли охоту настоящие подготовленные спецы, готовые сначала стрелять, а потом говорить, выход только один – обрезать концы и залечь на дно.

Нужно выбраться из столицы, пока не сомкнулся заслон утренних пробок. Даже на добротном мотоцикле, купленном в свое время как раз на такой случай, продрасться через них будет нелегко. Да и путь неблизкий, ехать из Бангкока через бесконечные пригороды нужно не меньше трех часов, и это при хорошей «дорожной карме».

Жаль прощаться с Бангоком, любимой точкой на карте. Но ничего не поделаешь, требуется временно с карты исчезнуть. Таиланд слишком развитая страна, тут кругом камеры, полицейские и армия. Кто знает, имеют ли неизвестные, но, безусловно, очень влиятельные недруги связи в тайской верхушке...

По счастью, для Азии Таиланд – это скорее исключение. Нужно просто втихаря перебраться в одну из соседних стран, где бардака побольше. Лучше всего, пожалуй, в Бирму, там совсем недавно закончилась гражданская война, да говорят, что местами и не закончилась. Затеряться в таких условиях проще.

Будь Андрей киногероем из блокбастера, ему следовало бы вступить в неравный бой с врагами и победить, благодаря мастерству и каким-нибудь тайным приемам. Увы, в жизни всё по-другому. Будь ты какой угодно мастер, но в одиночку против троих вооруженных спецов воевать почти всегда бессмысленно. В жизни силовой профессионал отличается еще и тем, что сразу видит, когда силы не равны, и может грамотно уйти от схватки.

Итак, надо выехать из столицы на юго-запад. Большая часть пути пройдет по провинции Кенг-Крачан, там места глухие, заповедник с джунглями и озерами, а потом уже и граница. Для жителей пограничья режим пересечения упрощенный, а иностранцы почти не бывают. Если повезет, можно проскочить на ту сторону вовсе мимо постов или дать на лапу контролерам, чтобы не отмечали факт выезда из Таиланда. Нарушение с точки зрения обеих стран серьезное, уголовное, но когда на тебя ведут охоту бегуны с глушителями, приходится делать крутые виражи.

Бирму зачем-то недавно переименовали в Мьянму. Та же непонятная возня, что с Белоруссией-Беларусью и Киргизией-Кыргызстаном. Большинство знакомых выходцев из теперь уже Мьянмы предпочитают по-старому говорить "Burma", да и Андрею больше нравится это колоритное название, знакомое еще с детства по стихам Киплинга.

В недавно наступившем 2014 году в Бирме нет даже банкоматов, так что Огневский запасся наличными в виде американских долларов. Елки, не пора ли попробовать всеобщую мечту о райской жизни у синего моря? Поселиться на андаманском побережье, валяться под пальмой, научиться серфить, начать исследовать какие-нибудь подводные пещеры... Вряд ли долго протерпишь в таком режиме, но можно попробовать.

Оделся Огневский неброско, опустил тонированное забрало шлема – и не скажешь с виду, что фаранг. Обычный местный житель катит по делам на самом азиатском из типов транспорта. Разве что высоковат и чересчур мускулист по сравнению с щуплыми азиатами, но среди тайцев встречаются и такие.

Слабая точка в плане одна: мотоцикл записан на того же исанского деда, что и квартира. На Сомчая Чунгпончайсавата, 67 лет от роду, значившегося в бумагах, Андрей никак не похож. Так что если остановят и проверят, можно влипнуть в неприятности. Но, благо, в добром Таиланде гаишники просто так обычно не тормозят, только за нарушения, а Андрей водит аккуратно. Да и если все-таки

привяжутся, почти всегда можно отделаться взяткой – с этим тут все в порядке.

Сверкающие небоскребы центра были уже позади, вдоль дороги тянулись однообразные ряды квадратных двухэтажных «шопхаузов» – именно в них живет большая часть обитателей Азии. На первом этаже раздвижная дверь во всю стену – это тебе и гараж, и гостиная. На втором – спальня с низким потолком. Универсальное строение, в нем можно сделать и харчевню, и мастерскую, и магазин, а можно просто жить вместе с бесчисленными родственниками. Именно этими невзрачными коробками застроена бо?льшая часть азиатских городов, от жаркого Борнео до холодной Маньчжурии. Да и, например, Уссурийск в российском Приморье от этого недалеко ушел.

Но, наконец, и бетон стал отступать. За домами показались зеленые рисовые поля, залитые мутной водой. В канавах лежали ленивые буйволы.

Солнце уже жарило вовсю, а Огневский, глядя на дорогу, пытался оживить в памяти познания о географии Бирмы и решить, на какую часть побережья лучше податься.

Но за одним из поворотов возникло довольно редкое в Таиланде явление – полицейский кордон, пропускающий машины по одной. Мечты об андаманском побережье стали менее четкими, но Огневский мнительностью не страдал и не привык паниковать. Встроился в колонну и, когда подошла его очередь, поздоровался с полицейским. Пришлось поднять стекло шлема, и офицер несколько раз моргнул, глядя то на Огневского, то на номер мотоцикла.

– Посалуста, сэл, – сказал он по-английски, с сильным акцентом, – осэтановитесь вон та-а-ам. – Он показал жезлом на бетонную площадку у обочины, возле бетонной будки постового.

«Наверно, лажа с владельцем все-таки вскрылась, – подумал Андрей. – Ладно, не страшно. Сейчас как-нибудь решим».

На площадке Огневский снял шлем и опустил подножку, а вот двигатель глушить на всякий случай не стал. Остановивший его офицер, с типичным для тайца мягким лицом, остался на своем месте. Вместо него подошел другой – высокий, скуластый, с нехилыми мышцами под коричневой форменной рубашкой. Этот Андрею совсем не понравился – встречался он с такими

типажами, и отнюдь не в дорожной полиции.

– Заглушите мотор и сойдите с мотоцикла, – сказал скуластый.

За его спиной приближались еще двое, тоже рослые, а главное, со странными лицами, не по-тайски суровыми. Сзади Огневский услышал шаги – там, похоже, подбирались еще несколько. Грамотно работают.

Андрей выкрутил газ, ногой убирая подножку. Скуластый в последний момент отскочил в сторону, двое других что-то закричали, а Огневский уже вырулил обратно на дорогу, лавируя между машинами. Потом на скорости вошел в поворот, с основной дороги на сельскую, и понесся куда-то между залитых водой полей.

Мотоцикл был не сильно приметный с виду, черно-серый, потертый и пыльный. А на самом деле KTM Adventure 1190 – мощный турэндуро в отличном состоянии. Поймать опытного водителя на проходимом мото – задача почти невыполнимая, разве что с вертолета подстрелить. Думать о такой возможности неприятно и некогда, нужно запутать следы. Жалко шлема – его Андрей выронил, когда давал деру с площадки. Теперь всем видно, что за рулем иностранец.

Он промчался по бетонной дороге, уходившей глубже в поля, вошел в поворот, но дальше возникло неожиданное препятствие – вечеринка. С десятков местных жителей расположились прямо на бетонном полотне дороги, расставили на циновках чаши с жареным мясом, острыми супами и лапшой, бутылки с рисовой водкой. Люди сидели на бетоне, смеялись, закусывали... Пировать на дороге – странный обычай сельского Таиланда. В чем его смысл? Огневский так и не смог понять. Может быть, показать всем вокруг, что ты веселишься, а заодно заманить на гуляние любого мимо идущего путника?

Андрея, пожалуй, тоже бы пригласили, и он бы не отказался – будь это в любое другое время. Но что делать сейчас? Не прорываться же через толпу, еще врежешься в кого-нибудь...

– Ко тход, ко тхо-о-од! [Извините, извините! – тайск.] – закричал он, резко остановившись. – Пай дай май кха-а-ап! [Дайте проехать! – тайск.]

Первую пару секунд тайцы потрясенно смотрели на фаранга-мотоциклиста, возникшего из ниоткуда. Потом потихоньку стали раздвигаться в стороны. Но один упитанный дядька, по виду уже сильно принявший на грудь, уверенно подошел к нему и всучил пластмассовый стаканчик с самогоном.

– Пасиб, батя, в самый раз! – сказал Огневский по-русски, осушил в один глоток, сделал мужику вай (поклон с молитвенно сложенными руками) и стал дальше объезжать тарелки со снедью.

Миновав праздничный кордон, он снова прибавил скорость. Напиток был о-го-го, ядреная сельская бормотуха. Андрей даже откашлялся, но на сердце полегчало. На координацию движений стакан особо не повлиял – Огневский, человек опытный, во время службы пивал и не такое. Да и перед бычьей дозой адреналина в крови алкоголь оказался бессилён.

«Может быть, зря запаниковал?» – подумал он, сворачивая на еще одну дорогу, уже не бетонную, а проселочную. Работники в поле разгибались и с удивлением глядели на невиданного ездока.

Вдруг просто тайские копы кого-то усиленно ищут, наркокурьеров, например?..

Но была у Огневского чуйка, закаленная за время войны и всей последующей жизни, и он ей привык доверять. А она при виде скуластого забила яростную тревогу.

Нет, тайские полицейские так не выглядят и не действуют. Эти ребята явно более серьезной породы, не занимающейся банальными досмотрами на дороге. Главное же – глаза скуластого. Это сложно объяснить, даже, наверно, глупо принимать решения из-за такой ерунды, – но они были особенные. Глаза того, кто много стрелял по живым людям. Огневский в такие не раз и не два заглядывал.

Окончательно сомнения исчезли, когда в зеркале заднего вида возникли два темных силуэта – погоня, на мощных мотоциклах, – и еще одного было видно через поле, на параллельной дороге.

Огневский свернул на совсем захудалую сельскую дорожку, с лужами и колдобинами. Посмотрим, какие из этих хлопцев эндуристы, – неподготовленный

человек на таких буераках быстро не проедет. Либо будет плестись, либо переломает кости вместе с мотоциклом.

Андрей пересек глубокую лужу во всю ширину пути, разбрызгав желтую воду. Грамотно вошел в поворот и резко затормозил.

Там, прямо поперек дороги, лежала в грязи тяжелая темно-серая туша, с длинной ноздрястой башкой и круглыми рогами. Буйвол.

«Да что же мне так с живностью не везет?!» – подумал Андрей, крутя по сторонам головой, ища способ объехать скотину.

Справа, за коротким грунтовым съездом, были разноцветные ворота с золотыми змеями на венце – да это ват, буддийский монастырь. Из-за приоткрытых ворот на Андрея смотрели испуганные, наголо бритые монахи в оранжевых рясах. Увидев, что запачканный фаранг глядит в их сторону, они быстро спрятались и закрыли створки. Грохнул засов.

Теперь путей только два: вперед, через буйвола, или назад, к приближающемуся шуму моторов.

– Уйди с дороги! – закричал Огневский на животное, привстав и махая руками.

Буйвол равнодушно жевал что-то коричневое, глядя на Огневского блестящими черными глазами.

«Кхвай», буйвол, – в тайском языке ругательство, вроде осла или козла в русском. Теперь Андрей начинал понимать почему.

– Ну ладно, – сказал он и повернул ручку газа. С ревом мотора медленно двинулся на серую тушу.

С неожиданной для такого бугая быстротой буйвол вскочил на толстые ноги, страшно низко замычал и рванул на мотоциклиста.

Только инстинкт, заставивший Андрея выскочить из седла в сторону, спас его от рогов и копыт. Он покатился по дорожной грязи, слыша душераздирающий

скрежет металла.

Огневский мгновенно поднялся и отбежал в сторону. Буйвол, как ни странно, удовлетворился местью мотоциклу и преследовать водителя пока не стал, нервно топтался посреди своей лужи.

Андрей глядел на приближающихся мотоциклистов – вполне себе умело эндурили, хоть и не сказать, что высокие профи. В Огневском сейчас боролись два желания. Одно – броситься бежать прямо через поле, попытаться скрыться пешком. Другое – повернуться и встретить преследователей. Первое было вернее в плане выживания, но уж сильно противно. Как подумаешь, что придется бежать по рисовым полям, в этой жиже, испуганно оглядываясь... Второе могло закончиться пулей в лоб. Зато требовало меньше нервотрепки и выглядело достойнее.

Он отряхнулся, распрямился, упер руки в бока и стал ждать.

Скоро явились преследователи. Они, похоже, не ожидали от беглеца такого поведения и сильно растерялись. Это были два молодых тайца, скуластого среди них не оказалось.

– Hands up, khar, – сказал первый из преследователей, направляя на Огневского пистолет.

Вежливое «кхап», что-то вроде английского «сэр» при обращении к человеку, звучало очень странно в призыве сдаваться.

Второй гонщик что-то быстро говорил в рацию.

– Что вам, мать вашу, от меня надо? – спросил Огневский по-английски, грубо ругаться по-тайски он не умел. – Кто вы вообще такие?

Руки он не поднял, да и что толку – они и так уперты в бока, пустые и на виду.

– Мы? – даже удивился преследователь. – Тайская полиция.

– Непохожи, – проворчал Андрей.

Тот неожиданно хихикнул. Странная реакция, но только если не знать тайцев, – они смеются, когда им неловко.

Так постояли несколько минут в странном молчании, пока из-за поворота не выехал джип.

Из него вышел скуластый, с мрачным лицом, то ли злым, то ли напуганным. А за ним вдруг тайка, лет сорока, в деловом костюме, с убранными в тугий узел черными волосами.

Скуластый хотел что-то сказать, но женщина только резко махнула на него рукой, а сама быстро пошла к Огневскому, пачкая грязью строгие туфли. Она была маленького роста, с круглым лицом и в больших очках, – простушка, на первый взгляд. Но походку имела неожиданно прямую и твердую.

– Господин Андэй, – сказала она по-русски с тайским акцентом, – пожалуйста, извините, это ужасное недоразумение. Этот... – Она наморщила лоб. – Дэ-бин...

Огневский не сразу понял, что так она произносит русское слово «дебил», показывая на скуластого.

– ...он вопреки приказу хотел взять вас силой, он думал, вы преступник. Моя вина, я плохо объяснила... Думала, сама встречу, но застряла, проклятые пробки...

– Да я вас знаю! – удивился Огневский. – Вы в тайском КГБ за русскими следите...

Он и правда встречал ее на каком-то культурном событии русской диаспоры в Паттайе. Кажется, год назад на День Победы. Всем было более-менее известно, что она из местных силовиков и курирует всё, что связано с русскоязычным сообществом. Она этого особо и не скрывала.

После всего случившегося Андрей не стеснялся в выражениях, большая ошибка в разговоре с тайцами, особенно важными. Но женщина не обиделась.

– Да, да, можете звать меня Мэу. Прошу вас, простите. У нас к вам важное дело.

- Да ну? - усмехнулся Андрей, стряхивая пыль с волос. - Расстреливать будете?
- Нет, нет, - лепетала женщина, - нужна ваша помощь.
- Вчера про помощь никто не заикался, палили сразу, и всё...
- Вчера? - удивилась Мэу. - Кто?
- Я б очень хотел это знать, - буркнул Андрей, - значит, то были не ваши?
- Нет-нет, что вы! Я же говорю, нам нужна ваша помощь.
- Кому?
- Тхаиланду.
- А конкретнее? - Огневский слегка успокоился, ему уже стало интересно.
- Тхаиланду, - тверже проговорила та. - Есть важное расследование, и у меня задание - подключить к нему вас.
- Ого... - только и ответил Андрей. Он даже забыл на время, что зол на болванов, перепугавших его и угробивших мотоцикл. Молча смотрел на нее, не зная, что и думать.
- Если вы согласны, поедем, пожалуйста, со мной. Хотя бы послушайте, в чем дело.
- Она опять начала извиняться, говорить, что виновных накажут...
- Поехали, - сказал Огневский, вздохнув. - Я всё равно теперь без транспорта. - Он кивнул на покалеченный мотоцикл, валявшийся в луже грязи. Буйвол куда-то уковылял. - С вас, кстати, ремонт.

Его Высокоблагородие

У полицейского поста Мэу с Огневским пересели в машину представительского класса. Кондиционер внутри был мощнейший, выдавал почти сибирскую температуру – явный признак того, что люди тут ездят серьезные.

Водитель молча тронулся, машина стала пробираться обратно в задушенный пробками город.

Мэу сдержанно поблагодарила за согласие, но больше ничего говорить не стала. Андрей, утомленный приключениями, откинулся на спинку кресла и попытался задремать.

Очнулся через час с лишним, когда они въезжали в зеленый и ухоженный район Дусит, считавшийся в столице привилегированным. Кроме одного из королевских дворцов, тут дома многих знатных семей, по дорогам часто ездят правительственные кортежи, а потому никого не удивляли полицейские с винтовками наперевес, постоянно дежурившие на углах улиц.

Машина заехала в ворота какой-то усадьбы, утопавшей в зеленом парке. Огневский с интересом вертел головой – в таких эмпиреях местного общества он оказался впервые. Водитель притормозил у красивого крыльца в европейском стиле, вышел и открыл Огневскому дверцу.

– Сначала вам нужно, – смущаясь проговорила Мэу, – пройти в туалетную комнату.

Андрей посмотрел на свое отражение в тонированном стекле автомобиля, и ему пришлось согласиться. Пыльные русые волосы стоят дыбом, на лице и на одежде грязь из буйволиной лужи – видок точно не для высокого общества.

В пышной уборной он вымыл лицо и волосы, отряхнул со штанов и рубахи бо?льшую часть грязи. Но когда Мэу явилась с комплектом свежей одежды, покачал головой:

– Пусть начальство увидит, как ваши «дэбины» меня отделали.

Она нахмурилась, но возражать не решилась.

Андрея провели по широкой лестнице на второй этаж, в гостиную, обставленную дорого, но без вычурности. Удобная мебель, скорее современного, чем традиционного дизайна. Огневский оценил редкое для большинства богачей чувство стиля.

На стене – большой портрет короля Пумипона. Андрею всегда нравился тайский монарх. Тонкое лицо, большие очки – прямо чеховский интеллигент...

На высоких тумбах сверкали два начищенных саксофона. Дань почтения любимому хобби нынешнего монарха – джазовой музыке. В молодости Пумипон выступал вместе с ведущими оркестрами разных стран и, говорят, имел немалый успех.

Мэу усадила Андрея в глубокое кресло перед маленьким столиком. На нем стояли кувшин воды со льдом, кофейник с подогревом на свече и ваза с фруктами.

Огневский уже час как мучился жаждой, самогон-таки дал о себе знать. Бесцеремонно налил себе стакан воды, выпил до дна и закусил ломтиком арбуза. Тот подавался по-тайски, посыпанный смесью соли, сахара и черного перца, но к этому странному сочетанию Андрей давно привык и даже успел распробовать.

Рядом стояли еще два таких же кресла, пустые. Мэу садиться не спешила, с ожиданием глядя на дверь. Она тоже успела привести себя в надлежащий вид: сменила запачканные туфли и обновила макияж, особенно резко почему-то прорисовав брови. Черные волосы, растрепавшиеся за поездку, стянула в еще более тугий узел.

Только Огневский прожевал, как дверь отворилась, – специально, что ли, наблюдали и ждали, во избежание неловкости?

Вошел высокий, очень почтенного вида таец лет пятидесяти, в военном мундире. У него было строгое худощавое лицо и глубоко посаженные серьезные глаза.

– Это генерал Прача?рн, на кха, – сказала Мэу по-русски, не удержавшись от тайских уважительных частиц, странно звучащих на языке Лермонтова.

За годы службы в российской армии видал Андрей генералов и погрознее, но все же встал и церемонно пожал руку вошедшего. А тот вдруг совсем несолидно тяжело вздохнул, прищурил глаза в сетке морщин и опустился в кресло. Несколько мгновений они сидели и смотрели друг на друга. Перед Огневским был уже не важный государственный чин, а просто умный, серьезный, очень усталый человек.

Генерал заговорил, и Мэу стала переводить. Вообще-то, Огневский вполне неплохо владел тайским, но, видимо, так принято на высоких аудиенциях.

– Прежде всего, примите мои извинения за то, что случилось на дороге, – начал генерал, ровным, глубоким голосом. Он покосился на грязную Андрееву одежду, но лишь на мгновение. – Увы, в нашем государстве не все работает как положено, иногда из-за этого случаются страшные недоразумения. Насколько я знаю, вы искренне любите и уважаете Таиланд. Я надеюсь, что глупость моих подчиненных не изменила вашего отношения к нашей стране.

– Не изменила, – спокойно ответил Огневский, но больше ничего добавлять не стал.

– Прекрасно, – продолжил Прачарн. – Потому что нашей стране оказалась очень нужна ваша помощь, господин Огневский.

Сложную для любого тайца славянскую фамилию он выговорил четко, со всеми согласными, что, видимо, было знаком особого уважения.

– Я благодарен, что вы согласились меня выслушать, – продолжил Прачарн.

Несмотря на серьезность темы, в его тоне не было напыщенности, он вел себя очень естественно, так что Андрей не чувствовал и тени неловкости.

– Прежде чем я продолжу, я прошу вас дать мне слово, что все услышанное здесь вы никогда не сообщите ни одному постороннему лицу. Разве что если это будет в прямых интересах расследования.

– Расследования? – переспросил Огневский, подавшись вперед.

Генерал кивнул.

– Вы известны в определенных кругах как мастер разрешения сложных ситуаций. Ваши расследования саботажа в Гуанчжоу и... инцидента в калифорнийском филиале корпорации «Хунлун» прекрасно это показали.

«Вот как, – впечатлился Огневский, – а мы-то с гендиректором Ляном думали, что все следы замели и концы обрезали... Неужто в Таиланде так налажен сбор оперативной информации?»

– Кроме того, вы – русский. А ситуация, которая сейчас нам угрожает, напрямую связана с вашей страной. Итак, вы даете слово?

– Даю, – ответил Огневский.

– Спасибо. Тогда... – начал Прачарн.

Но Андрей поднял руку, показывая, что не закончил говорить.

– Товарищ генерал, – обратился он по армейской привычке. В применении к королевскому офицеру это прозвучало странно, наверное, больше бы подошло обращение из царских времен – «Ваше Высокоблагородие» или что-нибудь такое. – Прежде чем мы двинемся дальше, я должен вас предупредить. Для меня, безусловно, огромная честь, что тайское государство хочет поручить мне важное дело. Но есть обстоятельства, которые могут помешать мне его выполнить.

Морщины на лице генерала стали еще глубже. Похоже, ему искренне не хотелось терять такого помощника, как Огневский.

– Я слушаю, – сказал он ровным голосом, переходя на английский, должно быть, устал каждый раз ждать перевода от Мэу.

Говорил он совсем чисто, судя по произношению, за плечами у Прачарна был хороший университет в США.

– Во-первых, – начал Андрей, тоже переключаясь на язык Байрона, – мое нынешнее положение двусмысленно и опасно. В моей стране против меня самого ведется расследование, да и в других странах есть силы, имеющие на меня зуб и не стесняющиеся в средствах. Только вчера на меня совершили нападение трое высококлассных боевиков неизвестной принадлежности. Все это может очень осложнить, да что там – вовсе прекратить работу над следствием в любой момент.

– Ваши обстоятельства мне известны, – ответил Прачарн. – Что касается Российской Федерации, то уголовное расследование против вас остается ее внутренним делом. В международный розыск вы не объявлены. Для тайской стороны этого вполне достаточно. Что же касается неизвестных, которые вчера атаковали вас на Силоме... Пожалуйста, поверьте, что безотносительно к тому, будете вы вести расследование для нас или нет, мы этого так не оставим. Нельзя позволить иностранцам совершать дерзкие силовые акции в нашей стране среди бела дня. На время расследования вам будет предоставлена лучшая охрана и полный иммунитет.

– Охраны не надо, – сказал Андрей, – достаточно будет права на время расследования носить оружие, холодное и огнестрельное.

Генерал ответил кивком.

– Второе обстоятельство более важное, – продолжил Огневский. – Как вы сами сказали, я русский человек и российский гражданин. Это расследование, как я понял, будет напрямую касаться моей страны. И если вдруг будут затронуты ее интересы, я ни при каких условиях не стану действовать против России.

– Единственно возможная позиция для благородного человека, – сказал на это Прачарн. – Но тут я, пожалуй, могу вас успокоить. Мы сделали запрос вашему правительству, на самом высоком уровне, и нас заверили, что к этому делу власти России не имеют никакого отношения. Да, это дипломатия, и слова в ней не всегда стоит принимать на веру, но в нынешних условиях мы готовы рискнуть. Если вы пообещаете при любом исходе приложить все усилия, чтобы не повредить Таиланду.

На этот раз Огневский ответил молчаливым кивком.

– Нонг Мэу, гафэ дай май на, – сказал генерал, снова тяжело вздохнув.

Мэу стала разливать всем троим кофе.

– Мы с Мэу не спали двое суток, занимаясь этим проклятым делом... Так что я могу слегка запинаться в рассказе, прошу извинить.

Он взял чашку и сделал короткий глоток.

– Ладно, к делу. Скажите, господин Огневский, вы знакомы с нынешней политической ситуацией в Таиланде?

– Не особенно, – признался Андрей. – Если честно, и не хочется. Я во многом потому и уехал за границу, что устал от политики в собственной стране...

Генерал никак не прокомментировал это заявление.

– Все, что я знаю, – продолжил Огневский, – это что политическая жизнь в Таиланде довольно... бурная.

Генерал криво улыбнулся:

– «Бурная» – это мягко сказано. Последние пятнадцать лет она скорее представляет собой откровенный хаос. Боюсь, что если бы не абсолютный авторитет монархии, да еще объединяющая всех религия, мы давно оказались бы на грани анархии.

Огневский хотел было сказать, что определенная доля хаоса – совсем неплохо, но посмотрев в усталое лицо генерала, решил, что тот апологии анархизма не оценит.

– Я не буду утруждать вас подробностями, – продолжил Прачарн. – Если коротко, то четыре года назад произошел последний «переворот» в правительстве. Армия вынудила премьер-министра уйти в отставку и покинуть страну, под страхом вооруженного восстания. Он вводил страну в слишком сильный «левый» крен, и многие считали его опасным для всей нашей государственности. Новый премьер, господин Интханоун, и его кабинет тоже далеко не идеальны, но при них у нас

есть шанс на продолжительный период без потрясений, который сейчас очень нужен Таиланду. Этот человек – представитель консерваторов, они себя называют «желтыми» в честь гербового цвета королевского дома. Но Интханон даже с левыми, «красными тайцами», почти сумел договориться. Поэтому существует негласный консенсус между влиятельными людьми в высшем обществе, армии и бизнесе: сейчас главное – «не раскачивать лодку». Увы, но в последние несколько дней лодку кто-то очень серьезно качнул...

Огневский внимательно слушал.

– Два дня назад молодая дочь премьера, Рачавади? Интханон, исчезла. Она не отвечает на сообщения, не появилась ни дома, ни у друзей, ее телефон выключен, а банковские карты нигде за два дня не использовались.

– Это серьезно... – проговорил Андрей.

Генерал кивнул.

– Более чем. Мало того что это превратится в серьезный скандал, как только попадет в прессу. Самое главное – возможные последствия. Мы боимся, что это политический терроризм и в ближайшее время на премьер-министра может начаться давление со стороны похитителей его дочери.

– Кто бы это мог быть? – спросил Андрей.

– В том-то и дело, – вздохнул генерал, – что вариантов слишком много. Это могут быть «красные», это может быть кто-то из преступного мира, это могут быть какие-то силы за границей... Я недаром ведь сказал, что дело имеет прямое отношение к вашей стране.

Огневский подался вперед, все еще держа в руках чашку, но так ни разу и не отпив кофе.

– Последний раз Рачавади видели в компании российского предпринимателя Сергея Шестова. По слухам, их связывали романтические отношения.

«О как, – подумал Андрей, – да уж, любить – так олигарха».

Шестов был не просто предпринимателем, а известным на всю Россию миллиардером, да к тому же скандалистом и любителем диких выходов.

– Шестов тоже исчез безо всякого следа, – закончил генерал. – Известно только, что в субботу утром они с Рачавади выехали из Бангкока на такси, но дальше след пропадает.

Огневский даже несолидно ахнул. Вот так история...

– Расскажите, пожалуйста, подробнее, – попросил он. – Что за отношения их связывали, давно ли? О Шестове я осведомлен достаточно, кто уж его не знает... Но что известно о характере и образе жизни Рачавади?

– Это непростая история, – ответил генерал. – Видите ли, род Интханонов очень старый и уважаемый. Будь они в какой-нибудь из стран Европы, их, пожалуй, называли бы графами или баронами. Но у нас, в Таиланде, благородные звания работают иначе: за исключением членов королевской семьи, почти все титулы у нас – ненаследственные. Они даются королем за особые личные заслуги. В некоторых случаях титул может сохраняться на одно поколение потомков, но не более – дальше фамилия снова должна показать себя.

– По-моему, это прекрасная система, – сказал впечатленный Огневский. – Аристократия с элементами меритократии, где одной крови мало, нужны заслуги.

– Рад, что вы оценили, – улыбнулся генерал. – Ладно, вернемся к Интханонам. Они относятся к небольшому числу старых благородных семей. Это тесное общество со строгими правилами, где все знают друг друга и все на виду. И каждое происшествие, выходящее за рамки принятых норм, может вызвать серьезный скандал. Конечно, в наши дни нравы уже не так строги, особенно среди молодых, и скандалы случаются, хотя в большинстве случаев их удается замять. Рачавади Интханон – единственный ребенок в семье премьера, ей всего двадцать два. В прошлом году она вернулась из США, где училась в Гарварде. А вы знаете, как обстоит дело с моралью в этой стране... Наши консерваторы даже хотели запретить посылать знатную молодежь учиться в Америке, но, по счастью, их удалось урезонить. Нам нужны чужие знания и опыт, мы не можем отгородиться от мира, даже если открытость означает некоторый моральный риск. В общем, по возвращении в Таиланд девушка стала вести...

неорганизованный образ жизни. Попала в несколько очень некрасивых ситуаций, даже в настоящие скандалы вроде оскорбления буддийских монахов... Ее личная жизнь тоже стала вызывать в обществе недовольство. Поймите, у нас не средневековье, мы ко многому относимся терпимо, даже к романам с иностранцами, которые иногда у нашей знатной молодежи случаются. Но в случае с Шестовым все, похоже, очень серьезно. Рачавади горячая, решительная девушка, а потому не побоялась открыто заявлять о своей любви к иностранцу, что в светских кругах совершенно не принято. Сказала, что вопреки всем возьмет и выйдет за него замуж. Вот это будет еще один большой скандал для высшего общества...

– Так, может быть, мы имеем дело с бегством влюбленных? – пожал плечами Андрей. – Шестов известен своей экстравагантностью, да и Рачавади, как я понял, тоже. Может, они скрылись от глаз света, как там говорят в сериалах... «Начать новую жизнь вместе»?

Тут Мэу не удержалась:

– Кхун Андэй, это совершенно невозможно. – Ее круглое лицо стало очень сосредоточенным, почти суровым. – Кхун Рачавади при своей строптивости сильно любит отца и мать. Она их единственный ребенок. Они уже вторые сутки не находят себе места от страха... А у Шестова многомиллионный бизнес в Таиланде, управляющие сейчас в шоке, не знают, что без него делать. Он экстравагантный человек, но не дурак, он никогда бы так не поступил.

– Мы уверены, – спокойно поддержал ее генерал, – что имеем дело либо с похищением, либо вовсе с убийством. Проблема в том, что мы до сих пор не получили никаких требований от преступников, вообще никаких вестей о том, что случилось. Это, пожалуй, в нынешней ситуации страшнее всего.

– Хм... – Андрей потер рукой подбородок. – Пожалуй, вы правы... Тем более что у Шестова тоже есть семья, мать и брат, с которыми он вроде бы в хороших отношениях. Вряд ли бы он обрек бы их на такую нервотрепку... Что ж, какие у вас есть версии?

– Версий много, – сказала Мэу. – О первой, самой вероятной, мы уже говорили: политический терроризм, атака на премьер-министра. Другая – похищение ради выкупа, ведь оба очень богаты. Возможна и чисто криминальная история:

русская мафия за что-то отомстила Шестову...

– Да уж, куда без зловещей русской мафии, – не удержался от усмешки Андрей. – Но я вас понял. Боюсь, что требование выкупа тут будет для нас самым мягким вариантом событий. Куда хуже, если преступники вообще не выйдут на связь, тогда нас, скорее всего, ждет дерзкая провокация: не знаю, например, их трупы подбросят в людное место... Случиться может все что угодно.

– Именно так, – сказал генерал, утомленный, но невозмутимый. – Есть еще один, пожалуй, самый неприятный сценарий. Возможно, похитители уже вышли на связь с премьером Интханом, но он это скрывает. Тогда только боги знают, что от него потребовали и на что он готов пойти. Даже думать не хочется, чем это все обернется для Таиланда... Но мы с кхун Мэу все-таки думаем... уже вторые сутки. И поэтому обратились к вам.

Он пристально посмотрел в глаза Огневскому.

– Кхун Мэу уже ведет расследование по «тайской» линии этого дела, прорабатывает все, что касается семьи Интханона и жизни его дочери. Там, увы, пока нет особых успехов. Но нам нужен тот, кто проработает «русскую» линию, касающуюся Шестова. И вы показали нам идеальным человеком для этой роли. У вас есть опыт запутанных расследований. Вы хорошо знаете Таиланд, но при этом владеете русским языком и имеете большие связи в русских диаспорах Азии. Наконец, вы понимаете деликатность сложившейся ситуации. Мы хотим поручить вам это расследование, с широчайшими полномочиями. Задача – разузнать все, что можете, о судьбе Шестова и его подруги. Итак, вы беретесь за это дело? Мне не нужно говорить вам, что благодарность нашего государства будет очень велика.

– Не нужно, – ответил Андрей. – Берусь.

– Ваши условия?

Огневский подумал.

– Свобода от любого руководства. Право на ношение оружия и само это оружие плюс амуниция, список предоставляю. Иммунитет перед тайской полицией и спецслужбами. Новый мощный мотоцикл, – он покосился на Мэу, – и, конечно же,

доступ к ресурсам полиции. Криминологические экспертизы, ордера на обыск и арест, силовая поддержка, если понадобится. А самое главное – данные. Все инфоресурсы, которые у вас есть.

На осунувшемся лице генерала мелькнула улыбка.

– С этим нам повезло. Кроме ее прочих занятий, кхун Мэу уже несколько лет работает над созданием большого аналитического центра. Все сведения и материалы, которые могут быть полезны в расследованиях, собираются в одно хранилище: данные преступников, видео с камер, пеленги мобильной связи, результаты экспертиз, всевозможные картотеки и перечни... И если что-то нужно, целый штат экспертов выуживает оттуда то, что надо.

– Отлично, это нам точно понадобится, – сказал Андрей. – Также мне нужна будет база, где я смогу ночевать и обрабатывать данные. Домой возвращаться сейчас опасно.

– Как насчет здесь? – пожал плечам генерал. – Мы выделим вам комнаты в особняке. Он под надежной охраной, и расположение удачное.

– Хорошо. Тогда не будем терять времени.

– Не будем, – поддержал генерал, вставая. – У кхун Мэу есть мой номер телефона. Звоните в любое время, если обычных ресурсов не хватит. Благодарю вас, и до встречи.

«Хороший мужик, – подумал Огневский, глядя в спину уходящему. – Видимо, так и ведут себя по-настоящему благородные люди: ничего из себя не строят, не показывают своего превосходства. Наоборот, с ними тебе легче и приятнее, чем с другими».

Мэу проводила генерала до двери, что-то быстро говоря по-тайски. Огневский поймал себя на том, что не понимает многих ее слов, похоже, это была максимально почтительная форма обращения. У тайцев, придающих огромное значение чинам и статусам, при разговоре с очень важными особами используются специальные местоимения и глаголы, что для Огневского выглядит почти как отдельный «вежливый» язык...

Какие, однако, цирлихи-манирлихи из-за обычного генерала. Хотя... кто сказал, что обычного? Поведение, речь, знания – все у Прачарна особенное, намекающее на высокий уровень в жизненной иерархии. Вполне может быть, что этот человек близок к самой вершине пирамиды, а уж по крови или по заслугам он туда попал – не так важно, если человек достойный.

Об охреневшем поэте

Те, кто перебирается жить в экзотические страны, – особая публика. Что заставляет человека бросить привычную жизнь в каком-нибудь Чикаго, Чите или Челси и начать новую, в совершенно другой среде? Поселиться в Азии среди рева мопедов, в облаках выхлопного газа и пряного пара со сковородок?

По большей части это разного рода чудаки. Тут собрались все крайности психологического спектра: начиная с параноиков, бесконечно от чего-то бегущих (обычно лишь для того, чтобы по приезде изобрести себе новое пугало и опять паковать чемоданы), и заканчивая фанатиками-ориентофилами, верящими, что Запад обречен на смерть и гниение, а узкие глаза и острая пища – это высшая ступень бытия. Ну и, конечно же, куда без странствующих прожектеров, вечно изобретающих невероятные бизнес-схемы, чудом выживающих под их обломками и тут же рождающих новые, еще более дикие способы покорить финансовый мир.

Даже успешные люди, создавшие в Азии состояние, карьеру или семью, клонятся так или иначе в одном из этих направлений. Огневский долго прожил в этой среде, сначала в Китае, теперь в Таиланде, и постепенно привык к странностям «экспатской» братии. Видимо, экзотичность окружения как-то гармонирует с их причудливым внутренним миром. Да что там – он понимал, что и сам во многом таков. Хотя особой гармонии Андрей ни в одной стране не испытывал. Как он ни старался, его душа всегда пребывала в утомительном состоянии «тотальной войны» с реальностью.

Но даже среди пестрой толпы экспатов Сергей Николаевич Шестов выделялся особенно. Огневский читал его досье, предоставленное Мэу, и только качал головой. Тайцы собрали по олигарху очень хороший, подробный материал, но Андрей мог бы добавить к нему немало историй, услышанных в русскоязычной

диаспоре. Многие из этих рассказов он считал бы фантастическими, не будь они о Шестове. Вся жизнь этого персонажа слабо укладывалась в приемлемые для разума рамки.

Сын олигарха Николая Шестова лет на семь старше Огневского. Вырос он, как водится, на Рублёвке, на всем готовом. Но лет с семнадцати вместо привычных клубов, телок, кокаина и лыж в Шамони юный Сергей выбрал странную дорогу. На два с лишним года он пропал неизвестно куда, так что папаше пришлось подключить часть своего немалого ресурса, дабы отследить блудного отпрыска. А тот, как оказалось, пошел едва ли не с посохом по Руси и дальше – работал матросом на Баренцевом море, перегонял машины из Владивостока в Москву, жил на анархистском сквоте в Париже... Это было эпическое странствие по свету, по самым разным сторонам жизни. Отцовские подручные настигли искателя приключений в Калифорнии, где тот отбывал срок за участие в драке с поножовщиной.

Шестов старший, кое-как вытаскивший сынка из лап демократов, увез его на родину и (не исключено, что силой) заставил-таки прекратить безумия, осесть в Москве. И тут Сергей, видимо от безысходности, выкинул новый фортель – подался в литературу. И, может быть, самый невероятный факт во всей этой истории – у него получилось. Получилось очень хорошо.

Огневский отлично помнил, как после изнуряющих занятий и муштры в училище, в короткие минуты отдыха читал и содрогался. И не только он – целое поколение выросло на стихах и рассказах молодого Шестова. «Дороги и тупики», «Курс молодого бомжа», «Атомная весна» – это была не просто литература, которая обычно оторвана от жизни и не интересна никому, кроме самих литераторов. Это были строки, написанные кровью и плавленным золотом, настоящий голос времени и голос человеческой души, до хрипа с этим временем спорящей.

И больше всего поражало то, что написал это какой-то московский мажорчик.

Потом в жизни Огневского была война, отъезд из страны, свои собственные скитания, хоть и не такие красочные, как у знаменитого ровесника. Он на время потерял Сергея из вида, а когда в 2011-м оказался в Таиланде, то с удивлением узнал, что Шестов тоже обретается в солнечном Королевстве. Унаследовавший состояние после смерти отца, тот, как ни странно, не пустил миллиарды на ветер, а поручил управление прежним менеджерам. Отцовская компания к тому времени разрослась и теперь гордо называлась корпорацией «Северо-Восток».

Как водится, частично слилась с государственной машиной, выполняя многомиллиардные поставки ресурсов и технологий в страны Азии.

Возможно, отчасти поэтому ее новый владелец перебрался в Таиланд, где, впрочем, не уделял особого внимания скучной, по его мнению, работе корпорации, которую все еще называл «отцовской». Вместо этого он создал собственную компанию Shestoff Inc., запускавшую экстравагантные бизнес-проекты, не приносившие особой прибыли, но создававшие шуму на весь Индокитай.

А еще Шестов умудрился угодить в политически одиозные фигуры, выпустив фантастический роман о космосе, причем на английском, где вовсю издевался над обществом и моралью Запада, от толерантности до культа гаджетов. В мире романа, описывавшем недалекое будущее, развратившийся западный мир склонялся под тяжелой, но милостивой рукой России. Скандал в либеральной прессе был страшный, тем более что Шестов опять съездил в США и опять там что-то натворил, чудом избежав второго срока. “Black Hole Express” тем не менее стал бестселлером, в том числе в Америке, и Европе. А вот Огневский его не дочитал – не любил он «политоты», да и вообще был уверен: ругать соседа (хоть и за дело) надо после того, как решил свои собственные проблемы.

Андрей не удержался, запустил на телефоне одно из знаменитых видео, где Сергей читает стихи со сцены. Не меньше самих текстов впечатляла его внешность: огромный рост, сверкающие зеленые глаза навывкате, жесткие черные волосы. И вечная сизая щетина, которая на всех видео выглядела трехдневной, – специально, что ли, поддерживают на таком уровне? Несмотря на всю страсть, клокотавшую в стихах, поэт читал медленно и задумчиво, глубоким, чуть хриплым голосом. Огневский остановил себя на четвертом ролике – так сложно было оторваться.

Что же касается характера и поведения Шестова... Лучше всего они описывались английским словом *obnoxious*. Как бы это точнее перевести? Пожалуй, «охреневший» будет ближе всего.

В древней китайской науке считается, что выдающимся творцом становится тот, в ком особенно сильны стихии дерева и огня. Дерево отвечает за созидание, порождение новых идей и образов, а огонь дает страсть и напор, наполняет творения силой и яркостью.

Андрей не был даосом, но учение о стихиях ему нравилось: во-первых, очень поэтично, во-вторых, действительно многое иллюстрирует в человеческой натуре.

Он предполагал, что в душе Шестова дерево и огонь не просто развиты, а дико гипертрофированы, так что в шуме листвы и бурном горении часто тонут нормальные человеческие качества – терпение, снисхождение, сострадание. Шестов был резок и непримирим, склонен к дружбе и вражде до гроба, принимал категоричные решения и посылал подальше всех, кто с ними не согласен.

Андрей удивлялся, что при таких наклонностях Шестов еще не угробил себя вместе с близкими. Но нет, ему всегда удавалось выкрутиться из самых отчаянных ситуаций, обычно созданных им самим. Наверное, помогали острый ум и бесстрашие, ну и ангел-хранитель у него, похоже, из небесного ОМОНа.

Огневский вдруг понял, что испытывает к этому незнакомому человеку... острую, горькую зависть. И дело тут не в миллионах. Сытых сынков из подмосковных коттеджей легко презирать – они проедают папкины деньги и не стесняются. Перед ними ты всегда имеешь моральное превосходство.

Но к Сергею это неприменимо. Полученным богатством он пользовался, но при этом прошел добровольный путь бедности и риска. Главное же – он прожил и высказал в слове то, что испытывало целое поколение, да и вообще то, что от века испытывает человеческая душа. Свои страдания он переложил во что-то стоящее.

Мог ли Андрей сказать это о себе? Увы, нет. Его разухабистое прошлое ни к чему ценному пока не привело, а страсти, накопившиеся за это время, только клокотали, не находя выхода.

А ведь Огневский близок по китайской карте стихий к Шестову. В нем тоже развиты дерево и огонь, но в отличие от Сергея, Андрей силен и в стихии железа, отвечавшей за строгость, постоянство и дисциплину. Это, пожалуй, и позволяет ему держать себя в руках даже в самых горячих ситуациях. Но согласно той же системе, железо – противоположность дерева, оно подавляет его. И Андрей всегда чувствовал в себе этот недостаток творческой способности.

Главное же, что человек, в котором развиты две противоположные стихии, находится в вечной борьбе с самим собой. Шестов мог отдаться до конца своему творческому безумию, а у Огневского всегда где-то внутри срабатывал тормоз.

Что ж, ввязаться в роковую любовную историю с азиатской аристократкой – это очень в шестовском стиле. Но вот исчезнуть, послав всех подальше? В молодости он так и поступил, но сейчас... При всей своей лихости он вряд ли поставил бы под удар собственный бизнес. По данным досье, к своим деловым проектам Сергей относился с фанатизмом. А ведь еще пара дней – и пойдут слухи об исчезновении, что прежде всего ударит по акциям всей шестовской корпорации.

«Итак, что мы имеем?» – думал Андрей, гуляя по саду генеральского особняка. Он быстро принял душ в своих новых комнатах, тянувших на номер люкс в хорошем отеле, и переоделся.

Сад был густой и пышный. Как всегда, в любое время года, в Таиланде что-то ярко цвело и сладко пахло. Полуденное солнце пекло толстые глянцевые листья. Садовник специальной лопаткой аккуратно снимал с одной из крон спеющие плоды манго.

«Люди в Таиланде живут как в райском саду, – романтически подумал Огневский. – Какого хрена им еще надо? Зачем вся эта борьба и политические страсти? Живи себе, ешь манго с ветки и радуйся».

Ладно, какие есть версии по похищению?

Во-первых, бегство влюбленных. Тут особо ничего не сделаешь, да и не надо. Хотят – так пусть себе и бегут.

Во-вторых, похищение с целью выкупа. Преступники тут должны быть очень могущественными и наглыми. Бросить вызов сразу тайской власти и русскому олигарху – для этого надо быть большого мнения о себе. Еще ничего не потребовали, но это ладно, возможно, чего-то выжидают, например, пытаются скрытно вывести пленников из страны, и только тогда начнут шантаж.

В-третьих, политическая провокация. Кто бы это мог сделать? В Таиланде велико и сильно леворадикальное движение, не жалующее богатых и нынешнее

правительство. В консервативном Бангкоке это не так заметно, но в провинциях у местных «красных», почти коммунистов с маоистским уклоном, большая поддержка, особенно среди бедных крестьян.

Все как в 1917 году, ага.

Но зачем красным, даже самым радикальным, брать в плен дочку премьера? Это сразу поставит их вне закона, даже если в обмен на пленницу удастся что-то выторговать, какие-нибудь законодательные уступки. Хотя... опять же вспоминая родную историю – в России в XIX веке противники монархии решались на открытый террор и не боялись ни закона, ни осуждения со стороны «темных масс».

Другая возможная политическая линия – игра против России. Кто бы это мог быть? Да известно кто. Борцы за казарменную демократию никогда не были разборчивы в средствах, а похищение бедной тайской аристократки «злым русским» – это вполне в духе голливудских сценариев. Зная, какая жестокая борьба идет на теновом фронте, Огневский тут бы совсем не удивился. Неплохой способ подпортить отношения РФ с Таиландом, пока что довольно дружественные. В этом случае стоит ждать подброса улики, слива в прессу или еще чего-то, что раскроет «коварный русский заговор». Скверно получится.

Пятая версия – пресловутая мафия. Кто-то из российского преступного мира припомнил Шестову дела отца в 90-е или просто захотел урвать кусок от его капиталов. Тут опять же будет либо выкуп, либо какое-то давление на родственников и управляющих компании.

Наконец, шестая – просто какой-то несчастный случай. Устроили себе экскурсию по джунглям, да заблудились, или что-нибудь в этом роде. По такой версии можно ничего не делать: если Сергей и Рачавади уже отправились на Страшный Суд и в колесо Сансары соответственно, то рано или поздно тела найдут. Пока же можно работать по одной из четырех более-менее состоятельных версий.

С чего начать? Очевидным казалось устроить обыск в доме и в офисе Шестова, Мэу обещала быстро сделать ордер. Но Огневский хотел с этим повременить. Об обыске сразу станет известно, начнут болтать в сети и прессе, а он обещал «Высокоблагородию» (так он называл про себя Прачарна) минимум огласки. Если уж поднимать шум, то после того, как исчерпаны все скрытые пути.

Вообще-то, в рукаве Огневского был козырь, и немаленький. Есть более тихий, а возможно, и более эффективный способ начать расследование. Остается дожидаться, пока привезут новый мотоцикл, и можно стартовать.

На дворе 16 мая 2014 года, конец жаркого сезона, +34 градуса. Крунгтхеп Маханакхон, «Великий Город Ангелов», как называют тайцы Бангкок в минуты гордости, за пару лет стал для Андрея любимым местом для жизни. Теперь ему предстоит стать чем-то новым – увлекательной загадкой или изнурительным полем боя? Скоро это будет известно.

На рязанщине

Огневский снова ехал на мотоцикле через рисовые поля.

Его собственный железный конь, бывалый и любимый, погиб под ударами вчерашнего буйвола. Полицейский механик только развел руками: лечению такие повреждения не поддаются...

Три первых мото, предложенных Мэу взамен, Андрей забраковал. Первые два были слишком хилые и дешевые. Третий – уже сносный, но Огневский решил повредничать, еще не простил тайцам гибель своего двухколесного друга. Наконец, пригнали еще один – BMW 1200GS, в народе «Гусь». Тоже не чета убитому, но ездить можно, в том числе и по бездорожью. Огневский решил больше не тратить время и согласился. Не нравился ему только корпус – ярко-синего цвета, слишком новенький, будет бросаться в глаза.

И вот Андрей снова катил по тайским пампасам. Пейзаж почти как вчера – одна узкая дорога, по обе стороны от нее поднимаются из мутной воды зеленые колосья риса.

Но теперь Огневский не был беглецом, даже наоборот. Станный вираж судьбы всего за сутки сделал из него детектива на службе (пусть и негласной) у тайского государства. Такой поддержки и ресурсов у себя за спиной он не чувствовал давно.

Впрочем, трое высококлассных боевиков, едва не прикончивших его на Силоме два дня назад, все еще на свободе. «Высокоблагородие» обещал с ними разобраться, но это когда будет... Хуже всего сейчас прельститься полученной силой и расслабиться. За ним по-прежнему идут по пятам неизвестные, но очень опасные враги.

По крайней мере, теперь он готов к встрече с ними. В скрытой кобуре покоится «Глок-34», добротный тактический пистолет с приличным калибром, выданный Мэу. Та уверяла, что он пристреленный и в отличном состоянии, но все же хотелось бы проверить самому, да некогда.

До места назначения оставалось минут сорок хода, когда что-то начало его беспокоить. Андрей еще не понимал, в чем дело, но решил снова довериться чуйке. Внимательно стал оглядывать окрестности – вроде бы ничего подозрительного. Места пошли глухие, поля начинали уступать джунглям. Изредка попадались хатки из бамбука, но и те тонули в зарослях. Узкая бетонка, по которой ехал Огневский, казалась чем-то чужеродным посреди этого пейзажа, не менявшегося, кажется, лет пятьсот, с тех пор как Сиамская империя гнала боевых слонов на войну с империей Бирманской.

Наконец он понял, в чем дело, – в правом зеркале заднего вида что-то еле заметно мелькало. Просто серая точка на границе обзора, где бетонка исчезала в зеленом мареве. Андрей с детства отличался очень хорошим зрением – недаром потом попал в разведку.

Уж не едет ли кто-то по следу, очень аккуратно держа дистанцию, чтобы не быть замеченным?..

Андрей чуть замедлил ход. Если это обычный мирный житель катит по своим делам, то он сохранит скорость, и его станет хорошо видно. А вот если неизвестный тоже притормозит, чтобы удержать дистанцию, – это подозрительно.

Минут десять Андрей напряженно следил за зеркалом – точка не стала отчетливее. Так... Он затормозил, остановился у обочины. Вынул пистолет и вставил в него магазин, взвел затвор. Прищурился, вглядываясь вдаль.

– Ну-ка, иди же сюда... – прошептал он.

Проклятый неясный силуэт стал чуть больше – но потом увеличиваться перестал.

– Какие мы осторожные, – проворчал Андрей.

Запрыгнул на мотоцикл, быстро развернул его и, выжимая газ, понесся навстречу неизвестному. Побегал уже от вас, уродов, надоело.

Дистанция до точки стала стремительно сокращаться. Стало видно, что это мотоцикл, неприметного серого цвета, водитель остановился у обочины на пустынной дороге, выдвинул подножку.

Когда осталось метров сорок, Огневский вошел в длинный дрифт, со скрипом колес, чертя черную полосу, резко затормозил поперек дороги, выхватил пистолет.

Упитанный деревенский мужик в застиранной майке закричал что-то невнятное, выронил банку дешевого пива «Лео», потом выскочил из седла старого мотоцикла и бросился в заросли.

Секунд на десять Огневский застыл с поднятым пистолетом. Потом поставил его на предохранитель и медленно опустил. Он чувствовал себя полнейшим «дэбином».

Хорошо, Мэу с Праचारном не видят, как он терроризирует мирных тайских селян... Андрей отъехал к обочине, оставил свой мотоцикл рядом с покинутым. Сел на край бетонки отдышаться. Сидел и считал себя идиотом.

Минут через пять стало жарко – шлем и мотоциклетная куртка хорошо защищали от ветра во время езды, но просто так сидеть в них под палящим солнцем было плохой идеей.

Огневский поднялся – и тут увидел, что не только он оставил на бетоне следы от резкого торможения. В метрах десяти дальше по дороге тоже кто-то недавно жег мотоциклетную резину. Похоже, неизвестный круто развернулся и двинулся в противоположную сторону. Уж не его ли загадочный преследователь? Увидел, что Андрей несется навстречу, и дал деру...

Андрей забрался в седло, медленно поехал по следу. Тот скоро растаял, но Огневский не сдавался. Метров через пятьдесят был съезд на проселочную дорожку, нырявшую в заросли. По сырому красному грунту от бетонки уходил отпечаток мотопротектора – причем очень агрессивного, проходимого, на каких почти не ездят в Таиланде.

«Значит, все-таки я еще не стал параноиком, – подумал Огневский. – Ну или моя паранойя сейчас отвечает реальности. Кто-то явно сел мне на хвост, хотя встречаться тет-а-тет пока не хочет».

Он достал телефон, порылся в гугл-картах. Ладно, дружок, не ты один умеешь удирать по зарослям...

Огневский проехал пару километров вперед, а потом сам свернул с бетонки на проселок. Но не направо, как его неизвестный преследователь, а налево. Судя по карте, дальше была путаница чахлых дорожек и троп через лес и поле. То что надо...

Почти час он колесил по буеракам, пытаясь максимально запутать следы. Даже проехал минут десять по оросительному каналу, уйдя на полколеса в мутноватую воду и распугивая рыбешек.

В итоге к месту назначения прибыл с большим опозданием, на основную дорогу выбираться вообще не стал, так и появился – практически из кустов.

– Извините за мой видок, – сказал он, снимая шлем и скидывая заляпанную грязью куртку.

– Да ладно, ты ж не венчаться приехал, – усмехнулся встретивший его человек и повел во двор монастыря.

Бело-голубой храм с осьмиконечным крестом на куполе поднимался в безоблачное небо, в странном контрасте с пальмами, украшавшими монастырский двор.

– Красиво тут у вас, – сказал Андрей, оглядываясь вокруг, – но уж больно архитектура... рязанская. Я бы сделал что-то в местном стиле. Может, тогда и

для тайцев было бы понятнее, ближе к их культуре.

– Да ты что, – ответил его знакомый, – не дай Бог! Еще подумают, что мы прикидываемся буддийским храмом, народ обманом заманиваем. Сразу всех депортируют на фиг.

Отец Николай, по рождению Николай Николаевич Шестов, старший брат поэта-олигарха, был худощавый, в сером подряснике, с кучерявой рыжеватой бородой.

– Тут государство любую религию уважает, не притесняют никак, – продолжил он. Степенность, положенная духовному лицу, не всегда ровно сочеталась в отце Николае с насмешливостью и неформальной манерой речи. – Но если заподозрят, что ты хоть в чем-то под их национальную веру копаешь – все, хана! Уж лучше пусть будет «по-рязански». Да и некоторым из тайцев как раз так больше нравится. Экзотика.

Они подошли к храму, отец Николай показал на высокий пирамидальный купол, остро уходивший вверх:

– Тут у нас не совсем Рязань, вон луковичные купола не смогли сделать. Тайцы их строить не умеют, а из России рабочих выписывать слишком дорого...

Он вздохнул и с насмешливого тона перешел на серьезный:

– Значит, тайское правительство тебя подключило Серёжку искать... Бог в помощь. Волнуюсь я за него, мамка в Москве тоже на ушах ходит. Служба безопасности из его корпорации вся на ногах, что-то пытаются сделать, но пока без толку.

Это Огневский взял на заметку – еще один игрок на поле, хоть в сравнении с тайским правительством не особо крупный.

– Прости, – сказал отец Николай, – давай чуть попозже поговорим. Сейчас будет панихида, вон родственники умершего ждут. Бизнесмен украинский из Паттайи в аварию попал...

В тени храма стояли четверо: женщина, молодой человек лет тридцати и две маленькие девочки. Поодаль сидел на скамейке полный таец в больших очках.

– Это тоже родственник? – улыбнулся Андрей.

– Не, просто парень какой-то пришел. По-английски не сильно говорит, но очень верой интересуется. Я его на службу и на чай пригласил.

– А эти? – удивился Огневский, заметив поодаль, на крыльце трапезной, четырех крепких мужчин со славянскими, но совсем не духовными лицами.

Священник вздохнул:

– Охрана. Директор Серёжиной корпорации прислал, после того как... Ну ты понял. Сказал, что всем членам семьи теперь может опасность угрожать.

Вместе с родственниками и тайцем вышли за ограду, на недавно устроенное православное кладбище, единственное в Таиланде. Там было только четыре креста: на табличках – русские и украинские фамилии.

Отец Николай стал петь заупокойную. У него были шестовские глаза навывкате, высокий рост и порывистые движения. Но лицо узкое, худощавое, а вместо натиска, свойственного Сергею, чуть рассеянная погруженность в себя.

Странные получились у могущественного Шестова старшего сыновья. Один – бродяга, поэт и мятежник, второй – задумчивый богомолец... Впрочем, таким Николай Николаевич был не всегда.

В двадцать три года, на лыжном трамплине в Австрии, юный разгильдяй Коля Шестов получил тяжелую травму позвоночника. Несколько месяцев лежал не вставая, и было неясно – встанет ли вообще. И пока отец задействовал все ресурсы, чтобы найти лучших докторов, парализованный, проводивший долгие одинокие часы в палате, искал помощи в других инстанциях. В один из таких часов он дал Гендиректору Вселенной обещание: «Если встану, до смерти буду служить Тебе».

Через несколько месяцев руки и ноги потихоньку снова согласились работать. И едва восстановившись, Николай шокировал родственников желанием уйти в монахи, пугал отца-олигарха планами служить деревенским попом в глухой деревне где-то под Архангельском.

Отец, изведя все доступные ему средства убеждения, в конце концов сдался. Сыновей он к тому времени назвал не иначе как «старший балбес» и «младший балбес», и наклонности обоих казались ему равно безумными.

По крайней мере, удалось-таки отговорить «старшего балбеса» от монашества – быстро женить на приличной девушке из церковного хора. От Архангельской губернии тоже кое-как отделались – получилось заинтересовать Николая миссионерскими курсами, на которых тот преуспел (сказалось привитое частными учителями в детстве знание языков). А там как раз стало быстро развиваться южноазиатское направление, нужны были молодые миссионеры, не боящиеся отправиться за тридевять земель.

Вот и оказался Николай вместе с юной женой в Таиланде, хотя об упущенных подвигах в деревушке на севере иногда втайне жалел.

Мало кому было известно о родстве скромного батюшки с мятежным олигархом. Тем более что перед рукоположением Николай специально поменял фамилию на материнскую, в избавление от суетной славы.

Но знающие люди намекали: неугомонный Сергей Шестов потому и перебрался в Королевство, чтобы быть ближе к старшему брату, которого очень уважал (большая для этого товарища редкость).

У свежего креста пели панихиду, Огневский стоял чуть поодаль. Отцу Николаю помогал единственный пока в монастыре монах – брат Лазарь, молчаливый улыбчивый серб.

Других насельников за три года существования обители не появилось – не тот в окрестностях Паттайи контингент. Брат Лазарь и иногда приезжавшие добровольцы поддерживали все хозяйство, а отец Николай приезжал из Паттайского храма, когда нужно было проводить службы.

С монастырем и его обитателями Огневский познакомился год назад, когда проводил в обители Великий пост. Злые языки говорили, что для него это был способ спрятаться от очередных недругов, пострадавших от его темных операций. Но Шестов и брат Лазарь к нему привязались, говорили, что видят в нем настоящую духовную жажду. Пост закончился, Огневский вернулся в свою безумную жизнь, но теплые воспоминания о монастыре у него остались.

Служба подходила к концу. Огневский стал странно коситься куда-то в сторону, на пышные кроны деревьев за восточной стеной. Монастырь стоял вдали от цивилизации, поля тут заканчивались, начинались настоящие джунгли. Одно дерево за оградой поднималось над остальными, пышное, как застывший атомный взрыв. Священник еще не закончил, когда Андрей и вовсе бестактно достал смартфон, стал что-то в нем отмечать.

Когда родственники отпетого уехали, брат Лазарь вернулся к послушаниям, а отец Николай повел Огневского и очкастого тайца в трапезную, на чай с печеньем.

Внутри за столом сидели двое охранников, сосредоточенно жевали кай тход – курицу, жаренную в масле.

– Курятину жрете в постный день, позорники! – махнул на них рукой Шестов. – Идите погуляйте лучше, не соблазняйте тех, кто постится. – Он показал на Огневского и тайца.

Бугаи, смущаясь, вышли.

– Какой постный день, батюшка? – удивился Андрей. – Пасхальная неделя на дворе.

– Молодец, знаешь православный календарь, – подмигнул священник. – А эти охальники – нет. – И уже серьезнее добавил: – Незачем быкам из СБ слышать наш разговор. Еще сообщат руководству, а там дядьки суровые. Им точно не понравится, что частное лицо вмешалось в расследование. Чего доброго, начнут тебе палки в колеса ставить. А я так, наоборот, думаю, что если ты «младшего балбеса» не найдешь, то никто не найдет.

Неплохо отец Николай был знаком с настоящими занятиями Огневского. Год назад, на исповедях, тот поведал ему немало историй из своей буйной жизни, и забыть такое было непросто.

– Спасибо, – сказал Андрей. – Но боюсь, что мне так или иначе скоро придется с ними столкнуться.

– Все равно не надо торопить события. Кстати, надо ж уважить гостя.

Священник налил юному тайцу чая. Попытался завести беседу по-английски, потерпев неудачу, перешел на свой ужасный тайский. Но местный житель сильно стеснялся, в разговоры вступать не хотел.

– Ладно, давай к делу, – сказал Огневскому отец Николай. – Парня можно не опасаться, явно по-русски не понимает.

– Сейчас я ему сделаю болевой захват с удушением, – беспечным тоном произнес Андрей, – посмотрим, не заговорит ли по-нашему...

– Да ты обалдел! – воскликнул священник. – Не вздумай!

Но Андрей только улыбнулся:

– Проверка. Если б он все-таки знал русский, то невольно напрягся бы после моих слов, хотя бы чуть-чуть. А этот ничего, даже глазом не повел. Среагировал только, когда вы протестовать начали. Думаю, и правда парня можно не стесняться.

– Ох уж эти твои штуки... – усмехнулся отец Николай. – Отвык я...

– Значит, от брата нет вестей? – начал Огневский.

– Нет...

– А не может быть, что это какой-то его новый демарш? – осторожно спросил Андрей. – Он ведь уже пропадал на какое-то время в юности.

– Пропадал, но это было давно, – покачал головой священник. – Ты понимаешь... Серёжка сейчас – это совсем другой человек. У него так устроено: каждые пару лет вся жизнь, все мысли, бах – и меняются. Часто в противоположную сторону.

– Вот как. И какой же он теперь?

– Ну... Теперь он одержим своим бизнесом, всякими деловыми проектами. Не скучнотой, конечно, как у бати нашего было, – производство там, добыча ресурсов... Нет, «творческое предпринимательство», как он это называет. По сути, всякие прекрасные бредовые идеи. – Священник грустно улыбнулся, видно было, что сумасбродного братца он очень любит. – Сейчас вроде изобретает какую-то систему виртуальной реальности для университетов. «Лекции с погружением». Например, рассказывают про космос, бах – и ты на Венере. Ну и вообще, он последнее время сильно хотел стать ответственным. То, что у него еще никогда в жизни не получалось. Нынешний Серёжка, он хоть и все такой же балбес в душе, но вести себя пытается по-другому. Ни бизнес, ни нас с матерью он бы точно не бросил. – Отец Николай нахмурился. – Бедный Серёжка, во что-то страшное он вляпался на этот раз...

– Ничего, батюшка, – сказал Огневский, – рано вешать нос. Тайское правительство ведет расследование, дочку премьера им во что бы то ни стало надо найти. Я тоже участвую, и это кое-чего стоит.

Священник кивнул.

– Вы часто в последние пару недель виделись? – спросил Андрей.

– Частенько. Он два-три раза в неделю приезжал ко мне из Бангкока, даже ночевал как-то.

– Приезжал, только чтобы с вами увидеться?

– Да нет, в Паттайю он стал часто наведываться... Я уж забеспокоился, не по борделям ли ходит. Оказалось, нет, какой-то там русский бар новый нашел, стал завсегдатаем. Ну и подружка у него там завелась.

– Погодите, какая подружка? А как же Рачавади?

Отец Николай пожал плечами:

- А когда это нашего мачо останавливало, прости Господи...

- Вы ее видели?

- Да, в храм приходила с Серёжкой один раз. Белоруска она, кажется. Приехала сюда автостопом из Минска. Ну, там, до Владивостока, оттуда через Китай, Вьетнам и так далее, стандартный маршрут. Из этих, в общем... Забыл, правда, как ее зовут. А вот фамилию помню, смешная такая - Борщук.

- Можете описать ее?

- Высокая, светлая, в фенечках... Веснушки на носу.

- А бар как называется, помните?

- Ага, Vagabond. [«Бродяга». - англ.] Там сейчас много хиппи и стопщиков наших ошивается. Странное место для такого, как Серёжка, ну да его не поймешь.

Больше ничего важного узнать не удалось, кроме одного: оказывается, последний месяц Сергей Шестов был одержим новой идеей. Пока в мире все больше людей перебирались в home office - рабочее место, устроенное дома, - поэт выдумал его противоположность - office home, когда, наоборот, вся жизнь переносится на рабочее место. В офисе своей компании, занимавшей верхний этаж в бангкокском небоскребе, он устроил жилые комнаты для себя и ключевых сотрудников (тех из них, кого удалось уговорить). Даже завел там настоящую русскую баню - большую редкость в Индокитае.

Что ж, тем лучше - понадобится один обыск вместо двух.

Уже поднявшись, чтобы уходить, Андрей покосился на окно. За ним виднелась восточная часть двора, высокие кроны леса за забором. Постоял с минуту, щурясь, потом спросил:

- Послушайте, а ведь сейчас Пасхальная неделя?

- Ну да.

- На Пасхальной ведь можно любому подняться на колокольню и позвонить?

- Ага, - улыбнулся отец Николай, - хочешь?

Они поднялись по узкой лестнице наверх, где на фоне леса висело четыре небольших колокола.

- Давай звони, - сказал Шестов младший. - Только «Чижика-пыжика» не надо.

Огневский подумал, потом взялся за веревки. Как умел, отзвонил любимую мелодию:

Призрачно всё в этом мире бушующем,

Есть только миг, за него и держись... [2 - Стихи Леонида Дербенёва.]

Когда звук утих, он постоял, пристально посмотрел куда-то в сторону и стал спускаться. На лестнице неожиданно остановил отца Николая, и они стали о чем-то быстро, тихо говорить. Охранник, стоявший внизу, у подножья лестницы, даже пробасил:

- Все хорошо, Николай Николаич?

- Да, Боря, все нормально. Машина в порядке? Через сорок минут надо съездить кое-куда.

Мотоцикл Огневского рыча выехал из монастырских ворот, двинулся по сельской дороге вдоль края джунглей. Но, спустя полкилометра, вдруг свернул с бетона прямо в лес. Далеко проехать не удалось - заросли были густые, - но Огневский и не собирался. Он оставил железного коня под деревом и стал быстро, ловко пробираться в глубь чащи.

Андрей и не знал, что так близко от Бангкока есть настоящие джунгли...

Как писал дедушка Дарвин: «В тропическом лесу каждая мелочь бесконечно превосходит все, что видел в жизни северный человек». исполинские стволы, по несколько метров в диаметре, поднимались из красной железистой почвы, их тяжелые листья закрывали небо. Внизу, среди колючих кустов и запутанных лиан, стояли вечные сумерки. Огневский, пригнувшись, проскальзывал через заросли, перепрыгивал рыжие колонны муравьев и черные колонны термитов, которые текли по земле, как ручьи. Пахло одновременно кислым гниением, пряными цветами и сладкими фруктами.

Когда Андрей, выросший среди тайги у ледяного моря, впервые оказался в джунглях, он испытал шок от такого буйства жизни. Но просто восхищаться было не в его натуре.

Хотелось изучить, понять, приспособиться. На одном из островов Индонезии он в итоге нашел местных охотников, взявшихся научить его быстро и бесшумно передвигаться по лесу. Андрей тогда не вылезал из зарослей несколько месяцев. А когда вернулся в бетонный мир, оказалось, что многие из навыков и чувств, развитых под темными кронами, очень даже полезны и за пределами леса.

Как всегда при движении в душном воздухе джунглей, он моментально взмок. «Лишь бы какая-нибудь зверюга не прицепилась», – думал он, вспоминая недавний опыт с вараном и буйволом.

Наконец остановился, присел за кустами у подножья огромного дерева. Это был настоящий исполин, поднимавшийся над всеми соседями. В метрах пятнадцати за ним виднелась стена монастыря.

Андрей просидел так несколько минут, пока на телефон не пришло сообщение от отца Николая: «Выехали».

Тогда он достал и проверил пистолет, снял с предохранителя. Несколько минут прошло в напряженном ожидании, а потом из кроны вниз упала синяя альпинистская веревка. По ней стала не спеша спускаться человеческая фигура.

Еще стоя за панихидой, Андрей заметил странное поблескивание из леса за восточной стеной. С войны он знал, что так иногда бликуют бинокли. Неблагодариво достав во время службы телефон, он тихонько сфотографировал кроны леса в максимальном разрешении. В трапезной рассмотрел фото с увеличением и отчетливо разглядел на самом большом дереве что-то темное. Маленькое пятно на фоне ярко-зеленой листвы. Ох уж эти темные пятна... А уже поднявшись по пасхальному обычаю на колокольню, определил, где расположено подозрительное дерево, прикинул пути подхода.

Тихо подобраться к неведомому наблюдателю оказалось легко – выбрав дерево, сильно возвышавшееся над остальными, тот сам закрыл себе обзор вниз.

Теперь этот крепкий, коротко стриженный человек в альпинистской обвязке умело спускал себя, работая жумарами.

Расчет Андрея оказался верным: когда Шестов со всей охраной куда-то уехал (Андрей попросил его покинуть монастырь минут через сорок пять), следить стало не за кем. Что в этой ситуации должен сделать наблюдатель? Прежде всего, доложить о перемещении цели. Ну а потом можно позволить себе если не совсем покинуть пост, то хоть спуститься на пару минут, размять ноги и сходить куда надо.

Огневский подождал, пока незнакомец окажется в метрах семи над землей – когда он уже будет слышать Андрея, но еще не сможет безболезненно спрыгнуть. Тогда Огневский выскочил из зарослей, схватил конец веревки и сильно тряхнул из стороны в сторону.

Висевший вскрикнул, а Андрей поднял пистолет и всадил две пули в ствол, совсем рядом с ним.

– Руки вверх! – громко сказал Огневский по-английски.

– Да как? – неожиданно возмутился древолаз. – Если я отпущу руки, я же упаду! – У него был сильный акцент, но не славянский, а скорее какой-то восточный.

– Не упадешь, – холодно ответил Огневский. – Ты в обвязке. Считаю до пяти и палю.

Неизвестный нехотя поднял руки.

– Теперь одной рукой, очень медленно, достать оружие и бросить вниз, – скомандовал Андрей.

– Какое оружие? – снова начал спорить древолаз. – Я простой натуралист, я тут за птицами наблюдаю!

Огневский всадил еще одну пулю в дерево, прямо под ногами «натуралиста».

Тот выругался на непонятном языке и медленно вытянул руку с чем-то темным. Огневский был готов ко всему, но неизвестный разжал кисть, и черный пистолет упал на землю. Не дурак, понимает, что в подвешенном состоянии много не навоюешь.

– А теперь нож, – сказал Андрей. После этого можно было спускать голубчика и тащить на допрос.

Неизвестный вытянул другую руку, разжал ее – что-то полетело вниз. Но уж больно не похожее на нож – какой-то короткий черный цилиндр.

Огневский успел сделать прыжок назад, прокатился по земле, зажал уши и зажмурил глаза.

Светошумовая граната сработала в метрах двух от него. Заряд был неслабый, не успеет Андрей защитить органы чувств – могло отключить.

Но и сейчас досталось серьезно – по ушам словно ударили два стальных кулака.

Какое-то время глаза показывали только пылающую белую пелену, потом зрение стало медленно возвращаться. Андрей попытался встать, вокруг все плыло и двоилось, но формы уже различались. А вот в ушах стоял монотонный пронзительный звон.

Он разглядел спину «натуралиста», тот быстро удалялся в заросли. Ему тоже досталось – беглец пошатывался и спотыкался. Отчаянный был шаг с гранатой,

но ведь сработал...

Андрей побежал за ним, хотя ноги заплетались и в глазах темнело. Забавно, должно быть, выглядела со стороны эта медленная погоня одного оглушенного за другим.

Спина противника то появлялась, то исчезала за темной зеленью, а потом вдруг спереди прилетел шум мотора. Это еще что? В такой чащобе даже на эндуро не проедешь.

Все стало ясно, когда лес расступился и Огневский выбежал на илистый берег небольшой речки. По темно-коричневой воде от берега отходила лодка. Беглец, пригнувшись, сидел у руля.

Огневский выпустил ему вслед все оставшиеся патроны, но те ушли в молоко – руки еще сильно тряслись.

Он развернулся и побежал назад, к мотоциклу. На ходу подумал, что, похоже, давешний преследователь на дороге и вот этот «натуралист» – не одно лицо. Тот был на мото, этот – на лодке. Ладно, мотогонщик пока подождет, сначала надо разобраться с лодочником.

В голове Огневского смутно сохранилась гугл-карта, по которой он искал дорогу к монастырю. Есть на ней и эта речка. Насколько помнил Огневский, она идет на запад широкими изгибами, а потом пересекает дорогу под мостом. Бетонка, в отличие от русла, довольно прямая, так что если не мешкать, можно опередить лодку, встретить ее у моста.

Несколько минут ушло на то, чтобы вернуться к месту старта, еще пара – на поиск мотоцикла среди зарослей. Наконец Андрей запрыгнул в седло, выбрался на дорогу и дал газу.

Дальше время и километры полетели незаметно, и вот он уже подкатил к серому мосту через бурую воду. Остановился чуть поодаль, спешился, подбежал и спрятался за одной из бетонных опор. Достал пистолет, приготовился. Надо дождаться, пока лодка подплывет совсем близко, а потом палить на поражение – шутки кончились.

В напряжении просидел еще несколько минут, и вот оно – из-за поворота реки показался серый силуэт. Андрей смерил на глаз расстояние, скрылся за опорой и стал считать. На 27-й секунде высунулся из прикрытия, вскинул оружие – рассчитал верно, лодка была совсем рядом, в паре метров. Но совершенно пустая.

В бешенстве Андрей выпустил по ней полмагазина. Из дыр в железном днище забили, пузырясь, фонтанчики темной воды. Находчивый «натуралист» выскочил из лодки где-то выше по течению. Теперь, как говорят китайцы, ищи макаку в джунглях...

Роковая женщина

Огневский въезжал в Паттайю в дурном настроении. Даже вывески на милой сердцу кириллице, да со смешными ошибками, в этот раз не радовали, скорее раздражали. Как и весь этот город, с рядами увеселительных заведений и пробками из мопедов, нагруженных толстыми телами старых фарангов. Хорошо, хоть бар «Вагабонд» находился на восточной окраине, пока относительно мало застроенной, на полупустынном пляже. Пробираясь по запруженным улицам, Андрей пытался сбросить злость и напряжение – с такой рожей, как сейчас, ничего от бедных хиппи не узнаешь, еще, пожалуй, разбегутся.

Хотелось поскорее проехать этот аляповатый город, грандиозный памятник человеческим порокам. До середины XX века Паттайя была заурядным поселком на побережье провинции Чонбури. Скромные рыбаки, по утрам выходившие в море на ярко раскрашенных лодках, и представить себе не могли, во что их деревня превратится всего за несколько лет.

В пятидесятых годах в соседнем Вьетнаме вспыхнула война. Коммунистический север страны поддерживали два красных гиганта – СССР и Китай. А капиталистический юг опирался на Америку и ее азиатских союзников. В том числе на монархический Таиланд, где коммунизм любого рода до сих пор вне закона. В городе Накхо?н Ратчасима? недалеко от Паттайи, разместились американские ВВС, а служивший там персонал стал приезжать в увольнительные на побережье Тайского залива.

Паттайя быстро сделалась их любимым местом, а у ее жителей появилось множество новых способов заработка. Для мужчин из англосаксонских стран, где общество долго не забывало свои пуританские корни, Азия всегда казалась местом «запретных наслаждений». Еще Киплинг писал:

“Ship me somewhere East of Suez, where the best is like the worst

Where there aren`т no Ten Commandments an` a man can raise a thirst”.

[«Там, к востоку от Суэца, злу с добром – цена одна,

Десять Заповедей – сказки, и кто жаждет – пьет до дна». – пер. с англ. И. Грингольца.]

В следующие десятилетия на разбогатевшем Западе выросла индустрия туризма, а потом возник бэкпекинг – тот же туризм, только самостоятельный. И когда молодые (и не очень) отпускники потоком хлынули в Индокитай, их уже ждал развитый, недорогой, приветливый Содом на берегу моря.

В 90-е наступила новая эра – сюда внезапно стали ехать люди из бывшего СССР. Причем многие, как ни странно, приезжали с женами и детьми и чаще искали не «разврата и отрыва», а просто дешевого отдыха в теплой стране. Для жителей только что развалившейся северной империи этого было достаточно.

В двухтысячные поток отдыхающих стал еще мощнее – подняли голову Индия, Китай и Ближний Восток, контингент в ресторанах и стриптиз-барах стал еще пестрее. Паттайя, разросшаяся на иностранных деньгах, быстро превращалась в тайский Лас-Вегас, пылающий огнями высотных отелей и шикарных заведений на любой вкус. Дешевые злачные места, впрочем, тоже никуда не делись.

Центр города, наконец, закончился. Справа от дороги потянулся пока не застроенный пляж, с редкими неприметными строениями. В одном из них и находился «Вагабонд», приют русскоязычных странников.

Огневский оставил мотоцикл под развесистым деревом, снял шлем, посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Особо успокоиться так и не получилось – физиономия была чересчур суровая. Перед тем как идти в бар, он хотя бы привел себя в подходящий для вольных путешественников вид: расстегнул ворот рубашки, подвернул штанины, повязал яркую бандану. Криво улыбнулся самому себе – ничего, сносный «вагабонд» получился, только угрюмый. Он пригладил волосы слева, чтобы максимально закрыть шрам – среди русскоязычных жителей Королевства Андрей уже имел определенную славу, и его нередко узнавали именно по этой примете.

Зашел в бар, делая последнюю попытку выглядеть расслабленно. Место было интересное, все стены увешаны памятными вещами из путешествий: молитвенные флажки из Непала, китайские фонарики, резные статуэтки – всё, что люди привозят с собой на память. Меткий взгляд Огневского отыскал даже фигурку тигра с надписью «Владивосток», хотя ее стыдливо засунули в угол.

Он сел за стойку, кивнул бармену, заказал местное пиво «Чанг». В отличие от Огневского, юноша за стойкой был настоящим «вагабондом» – с выжженными солнцем дредами, с лохматой бородкой, в яркой мешковатой рубахе.

В 90-е, кроме толпы бухгалтеров на отдыхе, в Таиланд двинулся еще один людской поток из бывшего Союза, куда более интересный. От Москвы до Паттайи пролегла Великая Юго-Восточная Тропа Автостопа.

Бородачи с рюкзаками и мечтательные девушки в фенечках выходили на окраину Москвы, Питера, Новосибирска и, меняя попутку за попуткой, неделями ехали «по карте направо», пока в конце концов не добирались до Владивостока. Оттуда переезжали на автобусе границу в провинцию Хейлунцзян, где начиналась настоящая экзотика.

Китайские водители, летавшие по отличным бетонным дорогам КНР, не понимали, зачем стоят на трассе молодые «лаоваи» [белые иностранцы. – кит.] из таинственной северной страны Элоусы, почему они не сядут, как все нормальные люди, на автобус? Но подвезти диковинных иностранцев китайцы были не прочь.

А дальше шли Вьетнам, Камбоджа и, наконец, Таиланд – вечный приют неприкаянных. Многие оставались тут на годы, подрабатывая гидами для своих

соотечественников, прибывших более традиционным способом.

Представителей бродячей братии в Паттайе набралось несколько тысяч, и почти все в ней друг друга знали. Это было странное сообщество, одновременно идеалистическое и циничное, хитроватое и бестолковое. Огневский провел в нем первые полгода после приезда, быстро от него устал, но теперь испытывал к нему что-то вроде ностальгии. С особенным теплом вспоминал о девушках с фенечками.

Бармен налил Огневскому пива, как водится, по-тайски, со льдом. Напиток получался специфический, чересчур холодный и слишком слабый – лед быстро таял и превращался в воду.

– Подскажи, – обратился Огневский к бармену, – Катя Борщук у вас работает?

Тот пожал плечами:

– Может, Аня Борщук?

– Ну да, – кивнул Огневский, изобразив смущение. – Плохо соображаю сегодня, голову напекло...

– У нас. Только у нее сейчас обеденный перерыв. Да вон же она. – Он махнул рукой за открытую дверь, выходящую на прибрежную полосу. Там, под пальмой, темнела тонкая девичья фигура. – Она обычно просто берет фрукты и идет на пляж обедать. Любит поесть, – усмехнулся бармен. – По три больших манго зараз может слопать...

– Ага, спасибо. – Андрей не спеша допил пиво, стараясь особенно не коситься в сторону пляжа, расплатился и вышел.

Аня стояла под пальмой спиной к Огневскому, облокотившись о шершавый ствол, что-то держа в руках. За несколько секунд он успел рассмотреть ее: неопрятные волосы, густой загар, легкая сутулость, наверно от тяжелых рюкзаков, – типичный для этого типажа внешний вид. Интересно, что в ней так привлекло самого Шестова, известного Дон Жуана? Может, ностальгия по юности, когда тот сам годами бродяжничал по миру...

- Аня, привет! - окликнул он.

Несколько мгновений она не двигалась. Потом выпрямилась, повернулась.

На Андрея внимательно смотрели карие, такие знакомые глаза Маши Басмановой. Откуда только загар взялся - крем, наверное...

С минуту он глядел в них, не зная, что сказать.

- Маша... Блин, что за дела?! - наконец выпалил он.

- Ты о чем? - совершенно спокойно ответила девушка. В руках она держала деревянную чашу с нарезанным манго.

- Да о Шестове! - едва не закричал он. Все попытки успокоиться пошли прахом. - Так это вы его взяли!

- Ну что ты о нас думаешь, честное слово...

- А что мне еще думать! Шестов исчез, его брат говорит, что тот встречался с какой-то «белорусской», а на самом деле это ты. Ты его разрабатывала! Наверно, и тот хрен, который за братом следил из леса, тоже ваш? С каких пор у вас арабы на службе?

- Это Оганес, он армянин сочинский. - Маша слегка улыбнулась. - Хорошо, что не слышит, как ты его в арабы записываешь.

Огневский стоял молча, уже не находя слов.

- Шестова-то вы за что? - только и смог выговорить он.

Машино лицо все еще выражало то уверенное спокойствие, которое когда-то так нравилось Огневскому, в те странные, такие далекие годы, что они с Басмановой прожили вместе. Но теперь ее невозмутимость просто бесила.

Маша опустила глаза и вздохнула:

– Да не трогали мы его... Пришли сведения, что семье Шестовых угрожает опасность, причем очень серьезная. Мы на всякий случай взяли их под наблюдение. Оганес руководил слежкой за Николаем, а я – за Сергеем. Вот только не уследила... Пройдемся?

Не дожидаясь ответа, она поставила чашу с фруктами на песок и пошла вдоль берега. Ветер трепал густые пшеничные волосы. Если бы кто-нибудь из собратьев по «Вагабонду» сейчас увидел «Аню Борщук», то поразился бы – на вольную путешественницу она стала совершенно не похожа. Маша моментально вышла из этого образа, исчезли сутулость и рассеянность, теперь ее спина была ровной, походка – уверенной. Под одеждой угадывалось жилистое, мускулистое тело – почему секунду назад, когда она еще была «Аней», Андрей этого не заметил?

– Оганес сообщил о столкновении с тобой, – сказала Маша. – Ты-то зачем в это дело вмешиваешься, на агентов собственной разведки нападаешь? Слава Богу, что ты не попал ни разу.

– Этот козел в меня светошумовую бросил!

– Но ведь стрелять не стал. В отличие от тебя... Ты, я смотрю, совсем уже на тропу войны вышел. Надеюсь, знаешь, что делаешь. Почему тебе так дорог Шестов, ты с ним дружил?

– Я дружу с крутым тайским генералом, – ответил Андрей. – А он нанял меня, чтобы найти Шестова и Рачавади.

– М-да, – покачала головой Маша, – ну и методы у тайцев... Привлекают частных лиц, по сути, нелегальных боевиков...

– Эй, полегче, – ответил Андрей. – Да и они обращались к вам, но вы, как я понял, послали их подальше.

– Ну, тут я не знаю, не на моем уровне такие вещи решаются. Мы ведем расследование, всеми возможными силами. Этого им должно быть достаточно. И тебе тоже.

– Ладно, – сказал Огневский, – раз уж мы вместе в этом деле, давай сверим карты. Как давно вы вели Шестова и Рачавади? У вас есть версии насчет похищения?

– Прости, Андрей, – ответила Маша, – но ты частное лицо, и я не могу раскрыть тебе оперативную информацию.

– Я представитель тайских властей!

– Подтверждение этого у тебя есть? И даже будь оно, такие вещи должно решать мое руководство.

– Ты спала с ним? – вдруг спросил Огневский. – С Шестовым? Вы ведь давно уже были «вместе».

– Фу, Андрей, с каких пор ты стал хамом? – поморщилась она. – Что, ревнуешь?

Он молчал, ожидая ответа.

– Если тебе так надо знать, то нет, – спокойно сказала Маша. – Даже если б собиралась, не смогла бы. Он в свою тайку был влюблен до дурости. Ко мне прибегал, только когда она отмораживалась от него. Да и тогда интерес ко мне у него был скорее платонический, дух бунтарства, и все такое... Вообще, мне кажется, его слава, как Казановы, сильно преувеличена.

– О да, ты та еще бунтарка, – усмехнулся Огневский, – погоны бунтовать не мешают?

– Работа такая, – невозмутимо ответила Маша, повторяя его вчерашние слова.

– Так ты мне ничего не скажешь? – выдохнул Андрей.

– Нет, извини, – подтвердила она.

– По крайней мере, дай знать своим, что я веду расследование для тайского правительства, пусть хотя бы не мешают.

– Они и не мешают, – пожала плечами Маша, – это ты на них со стволом бросаешься.

Огневский только махнул рукой.

– Я тебя поняла, – сказала девушка, когда Андрей уже повернулся, чтобы идти. – Я сообщу начальству.

За оживленной беседой они не заметили, как зашли довольно далеко. Вокруг был совсем пустынный участок пляжа с редкими пальмами и парой заколоченных бетонных строений. Где-то позади слышался басовитый смех и болтовня на не очень грамотном английском. А впереди, в метрах тридцати, шла по щиколотку в волнах одинокая тайская девушка, ветер теребил кудрявые, коротко стриженные волосы.

– Оу! Wait up, mate! [Эй! погоди, братан! – англ.] – прокричали сзади.

У кричавшего был, кажется, акцент северной Англии, при котором «ап» звучит как «оп» и «мэйт» как «майт».

Андрей оглянулся – за ними плелись четверо татуированных бугаев в майках-алкоголичках. Иногда попадают в Паттайе эти louts, английский аналог гопников. Фанатеют по футболу и бухают после каждой игры. Что забыли в Таиланде эти деревенщины? Хотя понятно что...

Неожиданно быстро мужики оказались совсем рядом, в паре шагов позади. Огневский только вздохнул.

– Не говори, что это тоже ваши, – устало сказал он Маше.

– Нет, – ответила она. – И под быдло только работают. Осанка не та, да и у всех стволы за пазухой.

– Вижу, – ответил Огневский.

– Оу, I`m talkin' to ya! [Эй, я с тобой говорю! – англ. искаж.] – слышалось сзади.

– Fuck off, mate, – бросил через плечо Огневский. Похоже, ему сейчас-таки представится повод выпустить пар.

Вместо ответа на него сзади обрушилась туша килограммов в сто двадцать, подмяла под себя.

Огневский, весивший всего восемьдесят три, захрипел, но злость, закипавшая весь день, дала о себе знать. Он ударил головой назад, попал нападавшему по носу, вывернулся к нему лицом, кое-как вытащил пистолет и пальнул не глядя.

Мужик вскрикнул, задрожал, Огневский свалил его с себя. Только чтобы увидеть над собой еще одного из нападавших. Тот при близком рассмотрении отличался от остальных. Не развязный жирдяй, а наоборот. Сухопарый, быстрый... Андрей знал по опыту: это всегда самый опасный тип. Молниеносным движением тот оказался поверх Огневского, очень ловко отбив в сторону руку с пистолетом, замахнулся коротким клинком.

Время для Огневского словно застыло, он заворуженно глядел на лезвие в руке противника, понимая, что уже не увернуться. Вокруг были звуки борьбы, кажется, чмокал глушитель.

Тут зрачки в глазах нападавшего расширились, а рука с клинком обмякла. Он осел на Огневского, тот спихнул его в сторону.

– You okay, na? – сказала с сильным тайским акцентом та самая девушка, что гуляла минуту назад по волнам. Ее лицо, совсем еще молодое, было спокойно и сосредоточено. Она сдула с лица тугую смоляную кудряшку, в ее руках дымился «Глок» с глушителем.

Огневский не ответил, вскочил, стал смотреть по сторонам. Маша тоже стояла с дымящимся пистолетом в руке, над телом третьего противника. Четвертый стоял с поднятыми руками.

– Господи, – подумал Огневский, – пошли мне нормальную бабу. Без ствола за пазухой...

Просто Грищ

Сегодня был особенный день – Грищ поставил себе новые зубы. Большие, ровные и белые, как в кино. Лучшие виниры у лучшего иностранного дантиста в Бангкоке.

Это был принципиальный, важнейший шаг в его жизни. Еще одна ступень, поднявшая Грища над убогой и нелепой страной, из которой он вышел. Бедные, живущие – нет, выживающие – в бывшем Союзе, с их пожелтевшими, кривыми зубами, среди которых к тридцати уже несколько вырвано (варварство!)... Теперь он не один из них, он присоединился к белозубому, счастливому, свободному сообществу людей из нормальных, развитых стран.

Боли при зубных операциях Грищ боялся страшно. Сердце колотилось, как бешеное, на каждом из посещений, и пару раз таки ожгло, так что он застонал и слезы на глазах выступили. А ведь врач уверял, что больно не будет, только a little sensitive [слегка чувствительно. – англ.], и удивлялся, что пациент так мучается. Ну что ж, эту жертву стоило принести, всякое перерождение болезненно.

Сложнее было с деньгами – в нищей Азии любые услуги нормального, западного уровня стоят немало, иногда больше, чем на самом Западе. Медицина в том числе. Пришлось выложить столько денег, сколько Грищ обычно тратил на жизнь месяца за три. А к деньгам он относился трепетно.

Этого не понять тем, кто вырос в спокойной, богатой, счастливой стране. У Грища за спиной была бездна. Карман все еще прожигал проклятый темно-красный паспорт, в котором было оттиснуто его имя – Грищенко Иван Анатольевич, гражданин Российской Федерации, будь она неладна. Эта бездна дышала в затылок жестоким холодом и при любой возможности старалась засосать его обратно в свое ледяное нутро, к печали, нищете и унижению.

Поэтому всю жизнь Грищ посвятил тому, чтобы возвести барьер между собой и ледяной бездной. Силовое поле, как в фантастических фильмах. А какая сила мощнее всех в современном мире? Правильно, money.

Деньги он собирал фанатично. Умом природа не обделила, упорством и дотошностью – тем более, так что заработков хватало, не брезговал он даже работать на русских, лишь бы платили. При очень нехилом доходе жил скромно, снимал недорогую студию в узком переулке, в полузаброшенном здании (за это была особенная скидка). Питался уличной едой, а развлечения предпочитал те, что на мониторе. И все свободные деньги собирал на нескольких счетах – не в разгильдяйском Таиланде, конечно, а в Сингапуре, единственной развитой стране Юго-Восточной Азии.

С каждым новым вкладом силовое поле за спиной росло, злой рокот бездны становился чуть тише. А тут пришлось пойти против главного правила – взять из этого запаса немалую сумму, ослабить свою защиту. Да, без белых зубов нельзя, но ведь барьер ослаб!..

По спине пробежали мурашки, Грищ словно чувствовал, что сдвинулся назад, и где-то в темноте за спиной уже ухмыляется хищное лицо Путина: «Никуда ты от нас не денешься, сынок...»

Так что пока Грищ добирался домой от дантиста по бангкокским пробкам, сладкое чувство свершения сменилось тоской и тревогой. А тут еще и челюсть заныла, напоминая о сегодняшней страшной боли.

Он вошел, закрыл за собой дверь – как всегда, на все замки. Тут же сел в кресло перед монитором, просмотрел запись с камер, которые незаметно вмонтировал в косяк и оконные рамы. Вроде бы никто не пытался проникнуть. Вот приедут заказанные из Китая датчики движения, будет еще безопаснее.

Но на душе было поганенько. Грищ разогрел в микроволновке бургер – надо съесть, а то лежит уже третий день, – сел на диван, врубил на телевизоре «Мстителей». Стал пересматривать в двенадцатый раз, раньше это помогало успокоиться.

Сейчас почему-то не помогло. Наоборот, как-то совсем паскудно стало. По сравнению с ярким «экшеном» на экране еще темнее и безысходнее были нахлынувшие чувства из прошлого, из проклятой беспросветной Читы. Из прошлого, к которому он сегодня приблизился, ослабив силовой барьер, отдав деньги. А ведь скоро придется опять раскошелиться – недавно Грищ начал новый проект, который будет стоить во много раз больше. И опять – нельзя

иначе, не отступишь.

Выключил «Мстителей», поставил кино попикантнее.

«Смешно, – подумал Грищ, – что в Таиланде запрещен Pornhub, это при здешней-то огромной секс-индустрии. Конкуренции они боятся, что ли? Ну да торренты не остановишь, их даже в Рашке прикрыть не смогли».

После трех раз вроде полегчало. Грищ снова сел за монитор, стал проверять самое важное – статус по Проекту А. Это главное дело его жизни, важнее зубов, важнее всех остальных проектов. Ведь каким бы сильным ни был денежный барьер, его недостаточно.

Мало отгородиться от черной бездны прошлой жизни. Нужно еще создать себе жизнь новую. И Грищ старался тут изо всех сил – подал заявления по программам миграции всех приличных, по его мнению, стран: на грин-карту в США, миграцию специалистов в Канаду, Австралию и Новую Зеландию, даже в Израиль попытался проскочить, но там срезали – еврейских корней не нашлось даже отдаленно.

Двигалось все это очень медленно. Но ничего, надо потерпеть. Можно было, конечно, попробовать ускориться – деньги-то есть, а там хоть и не Рашка, но в любой стране человек с финансами может найти обходные пути к своей цели. Даже в великой Америке вон, многие иммигранты фиктивным браком с местными не гнушаются. Платишь какой-нибудь white trash [белый мусор. – англ.] девчонке из Делавара регулярный бакшиш, а она тебя легализует, как своего муженька. Одно время Грищ серьезно рассматривал такой сценарий – в конце концов, он всю жизнь нарушает законы и правила, одними чистыми доходами и барьер было бы не поддержать, такая уж проклятая постсоветская судьба.

Но нет. Кончат с мерзким советским мышлением, с вечными поисками блатной халявы. Все должно быть сделано по правилам. Свободный счастливый мир должен принять Грища по-настоящему, без обмана. Иначе Грищ знал – до конца жизни спать спокойно не сможет, будет у него в груди вечно шевелиться червячок, мол, так ты и остался подлым совком, даже в свободный мир пробрался через дырку в заборе.

В дверь позвонили, и Грищ от неожиданности подскочил. Быстро вывел на экран картинку с камеры – кого нелегкая принесла? Прищурился, разглядывая пришедшего, стоящего перед дверью: европейской расы, кучерявый, высокий. Тьфу, тоже мне европеец – обычный совок, Дюша Огневский. Точно, ведь договаривались, что зайдет сегодня.

Но кто это с ним? Женщина... Молодая тайка с короткой стрижкой, вполне симпатичная, кудрявенькая. Да он что, охренел? Знает же, что с незнакомыми женщинами Грищ теряется, впадает в ступор, иногда трясется. Не открывать, не открывать...

Но пришедший, кажется, вспомнил своим убогим умом правила – что-то сказал тайке, та кивнула и ушла. С полминуты Грищ приходил в себя после перепуга, пока дурак Огневский все жал в звонок, не терпелось ему. Наконец более-менее отлегло, Грищ впустил совка в квартиру.

Андрей вошел в темную, люто кондиционированную комнату. Пахло барбекю-соусом и носками.

– Здорово? – Он пожал руку хозяину студии и чуть не назвал того Ваней, но вспомнил – Иван Грищенко почему-то ненавидит свое имя, предпочитает называться просто Грищ. – Я ненадолго. Обсудим предложение – и побегу.

Грищ только кивнул. Чудной он парень: почти никогда не смотрит в глаза, отвечает коротко, часто странно дергается, либо зависает секунд на пять. Нестриженный толстяк непонятного возраста, со странно белыми зубами – это что-то новое – блестящими среди темной щетины. Но в плане кибербезопасности и ее противоположности – киберпреступности – он настоящий гений.

Андрей встретил Грища два года назад в Паттайе, где несколько русскоязычных айтишников в складчину держали бар Fatal Error, ставший на короткое время любимым местом цифровых работников из Восточной Европы.

Грищ там завел привычку тихо, хмуро напиваться, сидя в одиночку и бросая на всех взгляды исподлобья (когда думал, что никто не смотрит). Пацаны тогда подбили Андрея на спор, что тот подружится с непонятным угрюмцем и уговорит присоединиться к общей компании. Огневский согласился, частью из азарта,

частью потому, что ему было по-настоящему жаль незнакомца, – в глазах у того читалась искренняя, тяжелая боль.

Огневский разработал нехитрый план: выбрал из приятелей самого угрюмого и молчаливого, уступавшего в этом только Грищу, уселся с ним за соседний стол, накатил три стакана рома, а потом дал волю собственной боли – не выдуманной, настоящей. Стал громко рассказывать про войну, про разрыв с любимой женщиной... И, кстати, стало серьезно легче, когда выговорился.

С того момента хмурый одиночка старался чаще бросать взгляды в сторону Андрея, и, кроме тоски и боли, в них был не то интерес, не то сочувствие.

На следующий день Андрей пришел один, у соседнего стола покрутил головой, словно ища кого-то.

– Мишка, козел... – вздохнул он громко, изображая легкое опьянение. – Опять отморозился. Чё за люди, блин... Эй, братан! – Он внезапно повернулся к Грищу, тот резко опустил глаза. – Давай выпьем, а? Одному совсем не вмоготу.

И Грищ ничего, поколебался, но кивнул. А после пары стаканов зажимался куда меньше, начал охотно говорить.

Спора Огневский, однако, не выиграл: затащить Грища в общую компанию так и не получилось. Похоже, что даже с одним человеком общаться ему было очень тяжело. Зато Андрей внезапно обрел интересного собеседника – крайне умного, довольно эрудированного и невероятно сведущего в технологиях. Грищ начистую отказывался говорить о жизни в России до отъезда в Азию, да и о планах на будущее. Вообще, жизнь за пределами компьютера его, кажется, мало привлекала.

И Огневский, и Грищ зарабатывали на жизнь в Даркнете – на теневой стороне Всемирной паутины, где все действия максимально анонимны и сама структура противостоит любому контролю и слежке.

Неожиданно они оказались почти единомышленниками. Обычно Андрей сторонился публики из темной сети, иронически деля ее на «уголовных» и «политических». Первые открыто торговали наркотиками, оружием, крадеными паролями, номерами кредиток и поддельными документами. Да еще чуть ли не

услугами боевиков и киллеров... С ними, как с любыми бандитами, Огневский предпочитал не связываться. Вторые были идейными – ярые либертарианцы и криптоанархисты, мечтающие построить общество без государственного контроля. Эти, как и любые активисты, любящие махать флагами, нагоняли на Андрея тоску.

Огневский не попадал ни в одну категорию, на его мачте флага не было – ну разве что «Веселый Роджер». Он был в Даркнете «джентльменом удачи» со своим, довольно простым кодексом чести. В откровенно преступные и безнравственные дела не ввязывался, хотя и не прочь был иногда пополнить карманы, пощекотав брюхо крупным корпорациям и даже правительствам некоторых стран, только свою собственную не трогал – некрасиво.

И оказалось, что Грищ находится на почти такой же позиции: просто зарабатывает на жизнь и свободу. Но если Андрей еще и гонялся за неким чувством опасности и куража, то его новый друг был более приземленным – он просто хотел денег. На идеи благородного пиратства ему было плевать, больше того, он с уважением говорил о государствах, особенно о США, что было совсем уж редкостью среди даркнетовской вольницы.

Так что у двух собутыльников внезапно оказалось немало общего. Месяца два они регулярно сживали в «Эрроре», когда приезжали из столицы в Паттайю на выходные.

Постепенно же дружба переросла в деловое сотрудничество. В определенных делах Грищ теперь был для Андрея незаменим, он оказался просто королем в своей области.

Многие из знавших Огневского считали его хакером. Он и сам поддерживал эту репутацию, лишним не будет, но она была далека от истины. Андрей был специалистом широкого профиля в области кибербезопасности, многое знал, быстро соображал. Но настоящего мастерства ни в одной цифровой дисциплине не достиг. В любой сфере IT есть единственный способ вырасти до очень высокого уровня – отдать этому как минимум четверть жизни. Сидеть и долбить код изо дня в день, из года в год, жертвуя всем, что за пределами монитора.

Огневский и так уже огромную часть своего времени тратил на поддержание физической формы и боевых навыков. Оторвать от своей жизни еще один

большой кусок и отдать его в жертву кремниевому божеству – к этому он был не готов.

Зато умел найти нужных людей, таких как Грищ, и организовать их работу, договорившись о хороших условиях. С каждым новым заданием Грищ поражал Андрея своими навыками, осведомленностью и просто нечеловеческой осторожностью – а это едва ли не самое главное, если проворачиваешь сомнительные схемы в онлайн.

Вот и сейчас Огневский решил подключить к расследованию тяжелую цифровую артиллерию.

– Сергей Шестов пропал без вести, – сказал он Грищу, решив пока не касаться Рачавади и всей тайской линии, – я занимаюсь его поисками. Нужно собрать все что можно о его жизни за последние пару недель. В открытом доступе и в закрытом. Возьмешься? Плата двойная, но нужно сделать максимально быстро.

Лицо Грища не изменилось, ни один мускул не дрогнул. Была у него такая привычка – зависать среди бела дня, словно не слыша и не видя ничего. То ли от удивления, то ли от смущения, а может, что-то сильно важное обдумывает... Нужно просто подождать.

– Доигрался, клоун, – вдруг сказал Грищ, как всегда, сильно картавя. – Убился, наверно, где-нибудь.

– Вот это и нужно узнать, – ответил Огневский. – Возьмешься или нет?

Грищ кивнул.

– Только по сети шарить – это долго и муторно, – сказал он. – Если надо максимально быстро, добудь его гаджет какой-нибудь, лучше всего телефон. Там много чего можно вытянуть, логи геолокации, ну и контент из чатов, фоток, заметок.

– Телефон у него был с собой в момент исчезновения, – развел руками Андрей.

– Тогда ноутбук. Если у него десктоп, то жесткий диск из него. Планшет еще подойдет, ты же домой к нему можешь попасть?

Огневский улыбнулся.

– Да у него последние пару месяцев идея office home [офисный дом. – англ.] была... В своей башне устроил жилье, для себя и основных сотрудников. Даже, говорят, баню там соорудил где-то... Ну, в общем, да, прямо от тебя поеду туда с обыском. Заберу все, что смогу. Только сразу тебе передать не получится, все по описи примет тайская полиция. Поеду к ним в отделение, выпрошу все найденные цифровые устройства – и к тебе.

Грищ снова покивал. Вид у него сегодня какой-то тревожный, замученный.

– Ты как вообще? – спросил Андрей. – Чем сейчас занят?

– Да ничем, – пожал плечами Грищ. – Как обычно...

«Да, – подумал Андрей, – насчет праздно поболтать – это точно не к нему».

– Ладно, – сказал он вслух, – потом побазарим, мне пора бежать.

Он попрощался и вышел в жутковатый коридор. Странное место выбрал Грищ для жизни. Несколько лет назад в этом здании был пожар. Одно крыло сильно пострадало, но второе пожарным удалось отстоять. Но даже тут кое-где остались страшноватые черные разводы и трещины на стенах. Владелец, как мог, привел крыло в порядок и пытался теперь продать его, но с этим было туго. На пожаре погибло несколько человек, что по тайским представлениям населило дом их неуспокоенными духами. Смешно с точки зрения фарангов, но для местных жителей пхи, призраки, – дело вполне обычное и очень реальное, в них верят даже врачи и профессора. Так что из уцелевших квартир владельцу удалось сдать всего несколько – и все иностранцам.

Грищ, убежденный материалист, над этим только смеялся да хвастался копеечной ценой аренды. А вот Огневскому, тоже не сильно верившему в чертовщину, в этом жутковатом месте все-таки было не по себе.

– Спасибо за ожидание, кхун Ум, – сказал Андрей, садясь в машину. Ему очень нравилось, как звучит имя его спутницы.

Как ни любил Огневский быть «сам себе атаманом», но сегодня нужно провести обыск в офисе Шестова, и тут никак без представителя тайской полиции. Мэу была для этого слишком важной птицей и прислала одного из сотрудников.

– Вы, собственно, уже знакомы, – сказала она, представляя Огневскому Ум.

Ту самую девушку, что вчера выручила его на пляже в Паттайе.

Андрей не знал, благодарить таек за помощь или сердиться на них. Вопреки всем требованиям, к нему вчера тайно приставили как минимум одну оперативницу... Решил пока никак не реагировать.

Что ж, ему, кажется, повезло – уж если работать вместе с полицейским из специального отдела, то пусть уж это будет миловидная девушка. Явно лучше, чем какой-нибудь дуболом вроде скуластого, от которого Андрей позавчера удирал через поля.

Ум была в штатском. Она сидела за рулем машины и косилась на обгоревший дом. Похоже, девушка полностью разделяла мистический страх своих соплеменников перед пожарищем. Хотя и старалась держаться смело – как-никак работница полиции. Всё же ее руки чересчур крепко сжимали руль, отчего заметно выступали мышцы – сразу было видно, что она, как и Огневский, немало времени уделяет тренировкам. Девушка заметила его взгляд и убрала руки. На темной коже не видно румянца, но в больших миндалевидных глазах читалось смущение. Неужели стесняется своей накачанности? Да, в Таиланде же в моде «туа лек» – дословно «маленькое тело»...

Со времен службы Огневский сохранил нелюбовь к «киборгам», к тем, кто теряет за годы боевой работы обычные человеческие чувства. И сейчас простая застенчивость в этой закаленной оперативнице показалась ему очень милой.

– Можно ехать, – сказал он. – Впереди большое дело.

Улетевший

– Кхун Андэй, у вас очень усталый вид, – сказала Ум, когда они пробирались по пробкам через центр Бангкока. Как большинство тайцев, она не могла выговорить «ндр» и мило коверкала его имя.

– Да уж, – ответил Андрей. – Вчера был... тяжелый день. Но отдыхать некогда.

– Хотя бы сделаем короткий перерыв и выпьем кофе, – настояла она, – а потом уже отправимся на обыск. Тут рядом у дороги хороший кофейный ларек.

Кофе им приготовили по местному рецепту: чашку эспрессо вылили в стакан, наполненный льдом, сверху добавили сгущенки и молочной пены. Тут это называлось «капу йен» – «холодный капучино». Действительно, здорово помогало – и от жары, и от усталости.

Они сидели на пластмассовых стульях на тротуаре и пили кофе через трубочки, а Огневский объяснял удивленной Ум, что ее имя означает по-русски. Она была польщена.

– Вы давно за мной следили? – спросил он. – И сколько еще народу приставили ко мне эти упрямые Мэу и Прачарн?

– Слежку начали, как только вы выехали из поместья, – чуть смущаясь, ответила Ум. – Когда кхун Пуй сообщил из монастыря, что вы поедете в бар «Вагабонд», я отправилась дежурить в том районе.

– Какой еще Пуй?! – Брови Огневского все выше лезли на лоб.

– Ну, он приходил к вам в русский ват [монастырь. – тайск.], – ответила девушка, – его еще чаем там угостили. Это старший агент нашей группы.

– Он что, и по-русски понимает? – поразился Андрей.

– Нет, но слова «бар» и «вагабонд» разобрал, нас учат обращать на такое внимание... – спокойно ответила Ум. – В общем, из трех сотрудников,

расположенных в Паттайе, я была ближе всего к этому месту.

– Из трех?

– Ну да, еще кхун Пратт, он...

– Всё, всё, хватит! – воскликнул Огневский. Он не знал, сердиться или радоваться такой настырности тайских властей. – В любом случае кхоб кхун мак кхап [большое спасибо. – тайск.], без вас нам вчера пришлось бы тяжело.

Ум только молча кивнула, но было видно, что она тронута.

– А теперь, – продолжил Андрей, – звоните кхун Мэу и говорите, чтобы сняли всю эту слезку. Мне она ни к чему, я работаю как умею, сам по себе.

– Но ведь я вам помогла, вы сами сказали...

– Вы мне, может быть, спасли жизнь, и потому мы до конца расследования будем работать вместе. Этого вполне достаточно. А прочего великого воинства сиамского не нужно, сами управимся.

Она неохотно достала телефон и стала звонить. Говорили они с Мэу очень быстро, так что Андрей скоро перестал их понимать.

Огневский смотрел, как Ум сосредоточенно беседует с начальством, постоянно повторяя «кха» – ничего не значащее слово, выражающее уважение. Ее изящные, но крепкие пальцы рассеянно теребили завиток густых черных волос. Андрей понял, почему с самого начала лицо девушки показалось ему необычным, не совсем тайским: Ум очень серьезная. Наверно, среди местных она слывет букой – выражение черных глаз и линия тонкого рта нетипично строгие. Должно быть, профессия оставила свой след.

Наконец, девушка закончила говорить, и Огневский быстро отвел взгляд в сторону.

– Что, Мэу не хотела соглашаться? – спросил он.

– Это тоже... – ответила Ум. – Но в итоге сказала, что ладно, вам ведь обещали полную свободу действий. Но есть еще новости, по нападавшим из Паттайи.

– Так, – оживился Огневский, – и что там?

– Один скончался, еще один в коме. Двое других в сознании, но боюсь, что ничего ценного от них добиться пока не удалось. По их словам, вся группа – наемники. Трое англичан, один американец. Уровень их, по-моему, не особо высокий. Того, кого я застрелила, зовут Слоун, он был у них старшим. Выжившие говорят, что он их нанял через посредника в Лондоне, ничего особо не объяснял. Цель – вы, лично вы, кхун Андэй. По возможности задержать, но в крайнем случае – устранение. Больше они ничего сказать не могут, а сам Слоун, увы, уже не заговорит... Но самое главное – только что пришли результаты вскрытия. Этот Слоун умер не от моего выстрела. А от инъекции сильного неорганического яда...

– Вот как... – удивился Андрей. – Боец понял, что его возьмут, и покончил с собой. Прямо самурай, даром что из Америки.

– Да, – сказала Ум, – это очень нетипично для наемников.

– Он вообще был нетипичный парень, – усмехнулся Огневский. – И насчет невысокого класса я не соглашусь. Остальные три да, просто «быки», как у нас говорят. Но этот... Я хорошо запомнил, как он двигался, это очень серьезный уровень. Он ведь чуть мне глаз не проткнул ножом. Сильно напомнил тех, что напали на меня позавчера на Силоме. Вполне может быть, что это один из них. По комплекции похож, а остальное я тогда плохо разглядел, не до того было. Что ж, если их теперь одним меньше, я буду только рад. Но жаль, что не удастся допросить, очень хочется знать, что это за господа такие.

– Вы думаете, это связано с делом Шестова? – спросила Ум.

– Не знаю даже... – Огневский развел руками. – Первое нападение было до встречи с кхун Мэу и генералом. Может, конечно, у них есть осведомители в высоких кругах и они знали заранее. Но вполне возможно, что расследование тут ни при чем. Я много кому успел насолить на свете...

– Значит, если мы опять столкнемся с этими людьми, нужно брать всех живыми, – спокойно сказала Ум.

– Постараемся, – вздохнул Огневский. – Но тогда при следующей схватке у них будет преимущество. Ведь им брать меня живым не обязательно...

– В любом случае еще рано подводить итоги, – сказала Ум, – кхун Мэу только начала допрос. Дайте ей время... Она ведь начинала карьеру в полиции Паттайи, в «убойном отделе». И там она как раз... славилась умением вести допросы. Говорят, что среди тамошних преступных группировок ее вспоминают до сих пор.

– О как, – удивился Андрей, представляя строгую и чинную «госпожу Кошку».

Взбодрившись, двинулись дальше и через полчаса прибыли к станции метро «Нана?». Даже за три года в Бангкоке Огневский не смог до конца привыкнуть к местным контрастам: Нана – одновременно ближневосточный анклав, выросший вокруг посольства Пакистана, крупный деловой центр с несколькими офисными небоскребами и сердце местной секс-индустрии. По одной стороне улицы ходят мусульманские женщины в бурках и хиджабах, на другой – менеджер в белой рубашке выпивает третий за день «капу йен», а рядом под фонарем весело болтают полуголый трансвестит и усталая после ночи проститутка.

Огневскому все это казалось то гротескным смешением всего и вся, то социальным чудом – где еще самые разные полюса человеческой природы могут вот так, мирно, существовать бок о бок?

Оставили машину на подземной парковке и пошли через площадь к офисной башне. Она сверкала на солнце голубым стеклом, но почему-то именовалась Golden Light Tower. [Башня «Золотой Свет». – англ.] Стоя у входа, глядя, как льется в стеклянные двери поток людей в костюмах, можно было бы подумать, что ты в «Москва-Сити», а не в Азии. Если бы не запах благовоний, долетавший с площади, от толпы вокруг статуи четырехрукого и четырехликого бога Пхрама (так тайцы называют Брамму).

Станным образом этот четырехрукий бог мелькнул и в досье многострадального семейства премьер-министра.

Сейчас святыня окружена полицейскими заграждениями и замотана белой материей. Два месяца назад ее разгромил вандал – он был то ли исламский экстремист, то ли просто сумасшедший.

Огневский припомнил факт, вычитанный недавно в досье премьера Интханона, отца похищенной девушки. Лидеры оппозиции на полном серьезе заявили, что это глава правительства подстроил нападение на статую, ибо он тайно поклоняется темным богам и осквернение святыни – часть некоего черно-магического ритуала. Куда там нашим политехнологам, вот где настоящий «черный пиар»...

Впрочем, тут наверно виновата и непутевая дочь Интханона, своими выходками с оскорблением монахов давшая повод для сплетен.

Статую, кажется, уже почти восстановили, и скоро будет новое торжественное открытие.

На проходной в офисном здании Ум предъявила ордер на обыск, и их с Огневским сразу пропустили. Но когда бесшумный лифт взлетел на последний этаж, который целиком занимала Shestoff Inc., прямо за дверьми их ждал «приветственный комитет».

Два здоровяка в черных костюмах, а на шаг впереди них – крепкий мужчина лет сорока с ежиком серых волос и угрюмым лицом.

Андрей узнал его по фото из материалов дела – Геннадий Корович, глава службы безопасности Шестова.

По выправке и взгляду понятно – бывший силовик. Причем, скорее всего, не достигший особых высот, иначе не пошел бы еще молодым на частную работу. Вполне может быть, что и турнули за что-нибудь. Но, как бывает у мелких сошек, полон чувства своей власти и важности.

– Стойте, Огневский, вам сюда нельзя, – сказал он неприязненно, водянистые серые глаза на сухом лице впились в Андрея.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод и транскрипция автора.

2

Стихи Леонида Дербенёва.

Купить: https://tellnovel.com/velikanov_aleksandr-v/mahanakhon

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)